

ОДЬГА

ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ТАМ, ГДЕ РАСТАЕТ
МОЙ СЛЕД

Никаких запретных тем.
Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
Там, где растает мой след

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Там, где растает мой след / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2024 — (Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-195014-9

В сонный приморский городок Марина-ди-Пиза, ставший излюбленным местом итальянских пенсионеров, Лида попала не случайно. В нем жила ее подруга Джина, а она... Она планировала в нем умереть! Частный детектив, или, как он сам себя называл, искатель Филипп Петров, попавший в Марину-ди-Пизу по работе, об этом не знал. Он планировал закрутить с Лидой легкий курортный роман. Но боги посмеялись над обоими... Умерла не Лида, а другая женщина. Ее убили! В сонном городке, где ничего не происходит. Теперь Филиппу нужно искать убийцу, а Лиде бороться за жизнь, в которой неожиданно-негаданно появился мужчина ее мечты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195014-9

© Володарская О. Г., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Володарская

Там, где растет мой след

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии С. Курбатова

© Володарская О., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

Часть первая

Глава 1

Он несколько раз встречал эту женщину в городе...

Впервые на набережной. Она лежала на облизанном морем до гладкости гранитном валуне, как на диване, и смотрела на закат. В другой раз он увидел ее на рынке, у прилавка с персиками, еще в джелатерии, кофейне. Высокая, худощавая, с очень короткими волосами, выкрашенными в платиновый блонд, и темными задумчивыми глазами, сегодня она сидела на ступенях базилики и слушала через наушники музыку. Судя по движениям плеч, лирическую. Женщина будто танцевала с воображаемым партнером. Взгляд ее был отстраненным, вид немного печальным. И сегодня, и всегда. Только любуясь закатом, она улыбалась и губами, и глазами, и была очень хороша, поэтому Фил и обратил на нее внимание. Вторая встреча его разочаровала. Женщина оказалась самой обычной. К тому же старше, чем ему показалось вначале. Ей больше сорока, а не тридцать семь. И все же интерес не пропал. Фил, гуляя по городу, искал ее глазами.

Сегодня чуть не пропустил. Сел на террасу, намереваясь быстро выпить кофе и идти дальше. Фил хотел попасть на почту, чтобы отправить из Италии открытки маме и сестре. Он всегда так делал, находясь за границей, и его девочки не только с радостью получали их, но и хранили. Подзывая официанта, он обернулся, увидел знакомую незнакомку, и решил задержаться в ресторанчике.

– Бокал розе, – попросил он. – Со льдом. И эспрессо.

Официант, мужчина в возрасте, с красиво подкрученными усами и серьгой в ухе, предложил взять сразу бутылку. Он уверял, что в его погребе имеется шикарнейшее венецианское розе, но оно на разлив не подается. К тому же оно холодненькое, и не нужно портить вино льдом. А еще только сегодня из деревни привезен козий сыр пекорино Тоскано, что (по скромному мнению усача) идеально оттенит вкус пино гриджо. Фил дал себя уговорить, хоть и не планировал много выпивать. Пора привыкать к хорошим винам, а то он ничего в них не смыслит, хоть и не впервые в Италии, которая ими славится. А еще официант так вкусно рассказывал и о розе, и о сыре, целуя собранные в гроздь пальцы, жмурясь от удовольствия, что невозможно было перед ним устоять. Фил был убежден, синьор не разводит посетителя на дорогое вино, он искренне хочет помочь ему насладиться прекрасным.

Зазвонили колокола базилики. Переливчато, нежно. Женщина, сидящая на ступеньках, тут же вынула наушники и стала слушать колокола. Ее губы вновь тронула улыбка, но глаза погрузнели. Она будто вспомнила о чем-то (ком-то?) дорогом, милом сердцу, но безвозвратно утерянном.

Фил так и не понял, кто она по национальности. В этом симпатичном городе на берегу Лигурийского моря отдыхали в основном местные. Приезжали из Пизы на машинах и автобусах на выходные. Путь занимал всего полчаса. В массе это были семейные пары с детьми. Реже дружеские компании. Люди в возрасте селились в апарта-отелях, кто побогаче, имел в Маринанди-Пиза недвижимость. И все же в городок иногда заносило иностранных туристов из Германии и Англии. Сначала Филипп принял женщину за итальянку, потом за немку, теперь же она виделась ему сербкой: высокая, как они, широкая в кости, кареглазая и от природы, скорее всего, темноволосая. Славянская внешность с южным уклоном Филу всегда казалась особенно привлекательной.

Синьор, что обслуживал Фила, вернулся к его столику с подносом. Пожалуй, он был не рядовым сотрудником, а владельцем кафе. У европейских рестораторов не считалось зазорным

подменять официанта. Наверное, потому, что бизнес был, как правило, семейным. В пиццерии, где Фил обычно обедал, трудилось четыре поколения семьи Бенини. Основал ее прадед, который до сих пор сидит за кассой, сын его управляет заведением, внук – шеф-повар, а правнуки гоняют на великах по городу, развозя заказы. От работы никто не отлынивает, а когда засорится дымоход, его чистит сам директор пиццерии «Бенини» – не отдавать же кровно заработанные постороннему человеку. Все в дом, в семью.

Усач при посетителе откупорил бутылку, чуть плеснул вино на дно высокого бокала. Фил продегустировал розе. Да со знанием дела: посещал виноградники Тосканы, там и научился. Удостоившись одобрительного взгляда усача, кивнул головой, оценил то есть. Вино было действительно приятным, легким и будто отдающим лепестками роз, но то, что подавали на разлив, Филу тоже нравилось. Единственным алкогольным напитком, в котором он разбирался, был ром. Распробовал его Фил не на Кубе или Барбадосе, а во Франции. Страна, которая когда-то имела большие островные владения, как оказалось, славилась не только винами и игристым, но и ромом. Пожалуй, было бы неплохо охладиться коктейлем на его основе даже в Италии, но не в этом городке. Он ассоциировался у Фила только с легким, как морской бриз, вином, розовым – под цвет заката.

Фил сделал еще пару глотков, отправил в рот кусочек сыра. Он не спешил. В Италии все, даже воздух, расслабляет, погружает в негу. Хочется сидеть на террасе, пить вино или кофе, размеренно поглощать пищу, дегустировать ее, смаковать, а не закидывать, как в топку, жмуриться на солнце, позволять ему ласкать лицо, а ветру – трепать волосы, рассматривать людей, котиков, пташек, думать о чем-то абстрактном... Дремать! Филипп, привыкший спать по восемь часов и только ночью, пока боролся с собой и в часы сиесты не ложился покемарить, но лишь потому, что не планировал оставаться в Италии надолго. Жил он в мегаполисах с бешеным ритмом жизни. Родился и вырос в Баку, у суматошного Яшыл-базара, потом с семьей переехал в Москву, там учился в институтах, делал первые шаги в карьере. Сестра и сейчас там, мама недавно переехала в Минск, а Фил последние три года обитает в Стамбуле. Ни один из этих городов, даже небольшой по сравнению с остальными Баку, не даст своему жителю расслабиться настолько, чтобы полеживать среди бела дня.

Бокал Фила еще не опустел, как предусмотрительный официант подлил еще вина, спросил, все ли в порядке и не желает ли синьор еще чего-то. Тот, понимая, что на почту уже не успеваает, пожелал фокаччу: традиционную для этих мест пикантную пиццу.

Подняв бокал, Фил снова нашел глазами женщину. Она все еще сидела на ступеньках, но теперь с блокнотом. Не электронным, обычным, и записывала в него что-то перьевой ручкой. Кажется, «Паркером». Стихи сочиняет? Пишет музыку? Ведет дневник? Или банально составляет список покупок? Фил, если бы сидел рядом, обязательно заглянул бы в блокнот, так ему было любопытно, какое именно из его предположений верно. Очевидно, его взгляд оказался настолько пристальным, что женщина его почувствовала и обернулась. В глазах сосредоточенность. Вспоминает, знакомо ли ей лицо плящегося на нее мужчины. Оказалось, что нет. На Филиппа она не обращала внимания, хоть они пару раз оказывались в нескольких сантиметрах друг от друга. Обидно? Нет, скорее удивительно. Остаться для кого-то безликим, имея очень яркую внешность, практически невозможно. Огненно-рыжий Филипп, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, обычно носил головные уборы. Кепки да шапочки еще тем хороши, что густые и кучерявые волосы в узде держат. Но именно тут, в Лигурии, Фил дал им полную свободу. Пусть треплются на ветру, лезут в глаза, путаются в воде, выгорают на солнце до морковного цвета. В Стамбуле острижет их к чертовой матери, надоели. А бороду отрастит. С тем и другим ходить не мог, поскольку сразу превращался в скандинавского воина и напоминал прохожим то какого-то артиста, то рестлера, то модель, рекламирующую одежду для походов. Лучший друг Фила, Мурат, лысоватый худенький азербайджанец, негодовал из-за того, что Пасли (прозвище, прилипшее в детстве, означающее «Ржавый») не пользуется этим. Дал бог

орехи беззубому, бубнил он, упаковывая свое узкоплечее тело в красивый костюм и фиксируя челку так, чтобы она не походила на жалкий хохолок. Мурат до женитьбы был страшным бабником, и чтобы добиваться успеха, ему приходилось много стараться. Другу же досталась внешность викинга, а ему на дамочек плевать. Не совсем, конечно, он в отношения вступает иногда, но без них ему как будто спокойнее. Сидит себе за компьютером, в кнопки тычет с утра до вечера. И ладно бы порнушкой баловался, так нет, в цифрах да схемах погрязает.

Пока в голове Филадельфия пронеслись эти мысли, взгляд незнакомки изменился. Стал вопрошительным и немного дерзким. Озвучь его, получилось бы: «Че вылупился?» Фил, немного опешив, отсалютовал даме бокалом. Та усмехнулась и вернулась к своим записям.

«Русская, – сразу понял Фил. – Только у наших бывает такой красноречивый взгляд, а в нем неприкрытый вызов!» Ему даже показалось, что он и ухмылку ее прочитал: «Салютует он, Великим Гэтсби недоделанный!» Впрочем, Фил мог ошибаться. В женщинах он разбирался плохо. Все его отношения были краткосрочными и поверхностными, ни с одной не захотелось задержаться надолго и, как следствие, ее разгадать. Он расставался легко, быстро своих бывших забывал, никаких выводов после разрыва не делал, а все потому, что ни разу не был влюблен. В студенческие годы, когда все его друзья бились в страстях, заваливали сессии, женились по залету, бросали все и уезжали с избранницей на Алтай или Гоа, Фил учился в двух институтах, подрабатывал где мог, да еще помогал маме с лежащим отцом. Ему было просто не до глупостей! Мурат же считал, что Пасли еще не созрел, потому что когда гормоны бушуют океаном, то и эмоции сносят, и тебе на все плевать, а на учебу особенно. Фил с ним, как с экспертом по страстям, соглашался. Но шли годы, а ничего не менялось. В плане эмоций. Секса же хотелось больше, чем раньше, но все потому, что на мысли о нем время появилось. И Фил получал его, когда сильно хотел, бывало, что и за деньги. Но одержимым сексом он тоже не стал. Есть – хорошо, нет – можно перенаправить нерастраченную энергию в нужное русло. Перезрел, вынес вердикт Мурат и немного Пасли посочувствовал. Что это за жизнь такая, без страсти? Прозабание...

Филипп встал из-за стола. Но тут же плюхнулся на место. Его маневра никто не заметил, и слава богу. Подходить к женщине, чтобы пригласить ее за столик, было поспешным решением. Несolidно так действовать. Да и как себя вести, если откажет? Помнил Фил, как на выпускном он пошел через весь зал, чтобы пригласить на медленный танец королеву бала. Он впервые попробовал алкоголь, она всегда относилась к нему с симпатией, ведь они были соседями и приятелями. И Фил захотел потанцевать с подружкой, а она ему отказала, потому что тут, на балу, она королева, а он... Никто! Не спортсмен, не танцор, не кавээнщик. Даже не отличник-медалист. Фил, когда протрезвел, понял причину осечки, но осадочек, как говорится, остался. Больше он дам на медленные танцы не приглашал, но им не отказывал.

На столе, кроме салфетницы и набора со специями, стоял стакан с разноцветными карандашами и листиками белой бумаги – для детей, чтоб рисовали, пока готовится заказ. Фил подвинул его к себе, затем махнул рукой мальчишке с великом, что проходил мимо. В корзине, прикрепленной к багажнику, стояли горшочки с цветами. Чтобы не разбить их, пацан (по-итальянски: рагаццо) не ехал, а шел. Остановившись рядом со столиком Филадельфия, он вопрошительно протянул:

– Синьор?

– Сколько стоит? – Фил указал на один из горшков, в нем росли дивные цветочки небесно-голубого цвета.

Мальчишка задумался. Растения были не для продажи. Он доставлял их, как правнуки ресторатора Бенини пиццу, или вез горшки от цветочника к себе домой. Они явно на счет. Взял двенадцать, с него столько и спросят. Поэтому пацан и катил велосипед, чтобы все до единого целехонькими остались. За разбитый горшок отругают, а то и по заднице надают. И все же это не такое страшное наказание, если за него есть денежная компенсация. Итальянцы наличных

денег ребятне просто так не давали, только по случаю, а так хотелось иметь в кармане хотя бы несколько евро. Лучше пятнадцать. На них можно новую футболку с логотипом «Ювентуса» купить.

– Двадцать евро, – выпалил мальчишка, зажмурившись от своей наглости. Такому цветку в лавке красная цена – пятерка. А вообще их все сами выращивают: неприхотливые.

– Хорошо, – не стал с ним торговаться Фил. – И я накину еще пять за доставку цветка. Согласен?

– Далеко не повезу, – стал набивать цену рагаццо.

– Вон той синьоре передай, – и кивнул в сторону знакомой незнакомки. – И вот эту записку, – он сунул ее между соцветий.

– Деньги вперед.

Фил, усмехнувшись, достал из кошелька несколько купюр. Любопытный пацан попытался прочитать текст записки, благо ее не свернули, но не смог разобрать ни слова. Написано не по-итальянски и даже не по-английски...

Зная несколько языков, Фил использовал русский. Был уверен, что женщина его поймет. Но если нет, нестрашно, заинтересуется, уже хорошо.

Мальчишка подошел к ней и неловко всучил горшок. Застеснялся в самый последний момент. Фил в его возрасте так же тушевался, когда вручал дамам букеты, даже если они учительницы.

Отработав гонорар, пацан быстро удалился, рискуя потерять еще одно растение: велик подпрыгивал на брусчатке, и горшки, теперь неплотно стоящие, сильно дрожали. Женщина проводила его улыбкой, открытой, искренней, задорной, после чего опустила взгляд на цветок и торчащую между стеблей записку. Брови ее взметнулись вверх. Удивилась русскому языку, но поняла его сто процентов. Фил приглашал даму присоединиться к нему и очень надеялся, что та согласится. Так и написал.

Незнакомка замешкалась. Она не только не сразу поднялась со ступеней, даже не посмотрела на Филиппа. И все же он дождался ее взгляда. На сей раз он не салютовал ей бокалом. Просто ждал решения.

– Как вы узнали, что я русская? – спросила женщина, подойдя. У нее был низкий, чуть хрипловатый голос. Для кого-то грубоватый, но ей он шел.

Фил встал, чтобы соблюсти правила этикета. Отец учил его с детства.

– Я предположил. И, как понимаю, не ошибся. Вы ведь не просто знаете великий и могучий, он ваш родной?

Она кивнула.

– Приятно услышать русскую речь, находясь на чужбине. – Женщина протянула руку и представилась: – Лидия.

– Филипп. – Он легонько пожал ее кисть и хотел отодвинуть стул, чтоб дама села, но его опередил синьор официант. Он не просто выполнял свою работу, а хотел произвести впечатление на даму: был обходительнее и милее обычного, играл глазами, шевелил усами, сыпал комплиментами. Фил отправил его еще за одним бокалом и приборами, но удалился он не сразу, а только после того, как представился Лиде. Звали усача Люцио, и он оказался, как и предполагалось, владельцем ресторанчика.

– Я буду только воду, – сказала Лидия, усевшись. Цветок она поставила рядом.

– Может, хотя бы кофе?

– В жару не хочется.

– Джелато? – Все итальянское мороженое прекрасно, но регион Тоскана, где, собственно, они сейчас находились, особенно им славился.

– Я не голодна, спасибо.

– А я пиццу заказал, – не сдержал разочарования Фил. Не так он представлял их посиделки. Думал, выпьют, вкусно поедят, поболтают, посмеются, потом пойдут гулять по набережной. Но Лида, судя по всему, не настроена на все это. Из вежливости присела за стол, сейчас попьет воды и пойдет по своим делам.

– Это нечестно, – простонала она. – Пицца – это то блюдо, от которого я не могу отказаться.

Фил просиял. А жизнь-то налаживается!

Вернулся Люцио. Принес не только посуду, приборы и воду, но и комплимент от заведения: компот из персиков с жасминовым чаем и миндальное печенье, подающееся к нему. Пиццу обещал подать через пару минут. К счастью, когда она приготовилась, в кафе пришла большая компания, Люцио переключил свое внимание на нее, и фокаччу водрузил на их столик паренек с залитым гелем хохолком, стоявший до этого за барной стойкой.

– Перейдем на «ты»? – сразу предложил Фил. Лида не возражала. – Каким ветром тебя занесло в этот городок?

– Встречным.

– Это антоним к «попутному», но я не очень понимаю...

– Все было против того, чтобы я сюда попала. Мне отказывали в визе, отменяли самолет, я даже в аварию попадала по дороге сюда. И все же добралась.

– У тебя тут живет кто-то близкий? Родственник, друг?

– Нет. Просто я влюблена в этот городок. Искренне, потому что необъяснимо. В Италии столько дивных мест, а моя душа рвется в Марина-ди-Пиза.

– Городок и меня очаровал, но я не смог бы задержаться в нем дольше, чем на неделю. А сколько ты тут находишься?

– Три месяца, и не планирую уезжать.

– Не скучно?

– Если чувствую, что засиделась, еду во Флоренцию. – Она с удовольствием выпила компота, а к печеню не притронулась. – А ты как сюда попал?

– По делам приехал в Пизу, закончив их, решил отдохнуть на море.

– А сам откуда?

– Родом из Баку.

– У тебя есть азербайджанские корни?

– Насколько я знаю, нет. Прапрадед по отцовской линии еще до революции молодым специалистом приехал в Баку из Симбирска, да так и остался. А мама моя сибирячка. С отцом познакомилась в Крыму, на дискотеке санатория «Ялта». Обоим туда дали путевки предприятия.

– Это было еще при СССР? Я думала, ты очень молод. Дала бы тебе тридцать.

– Я старше. – Фил разложил по тарелкам пиццу и взялся за нож и вилку, но, когда Лида ухватила ее руками, отложил приборы. Он при ней хотел соблюсти чуждые Италии приличия, но раз они на одной волне, будут лопать фокаччу со смаком: трогать тесто, позволять расплавленному сыру стекать по подбородку, облизывать пальцы. – Я видел, ты что-то записывала в блокнот, – прожевав первый кусок, продолжил разговор Фил. – Можно узнать, что именно?

– Какие варианты?

– Я ставил на стихи, но не исключал списка покупок.

– Не хочется расстраивать, но ты не был близок. Я писала письмо маме. От руки, потому что она не умеет пользоваться электронной почтой. Да и приятнее это... Получать бумажные конверты со штемпелем другой страны.

– Согласен. Но своей я отправляю открытки.

– Я тоже. И распечатанные фотографии. Еще засушенные листики, цветочки. Картинки, фантики. Мы ведем настоящую переписку в стиле ретро.

– Звоните друг другу хотя бы по мобильному? Или телеграф?

– Вот ты смеешься, а я даже голосовые сообщения не могу отправить, у мамы кнопочный телефон. И естественно, до сих пор не отключен городской. А еще радио!

Она говорила весело и с аппетитом ела пиццу. Сейчас Лида была как девочка, пусть и с морщинками у глаз. Впервые Фил отметил, что она не просто интересная, а красивая. Черты лица крупные, но правильные: выдающиеся скулы, прямой нос, в меру пухлые губы четкой формы, длинная шея, резкие ключицы. Можно было бы сказать, что у нее внешность современной амазонки, если бы не отсутствие мышц. Вид подтянутый, но не спортивный. Лида как будто много ходит и плавает в море, возможно, танцует, но не занимается даже йогой, не говоря уже о фитнесе.

– У меня что-то на лице? – обеспокоенно спросила Лида и принялась вытирать рот. Решила, что перепачкалась, вот он и устался.

– Нет, все в порядке, – успокоил ее Фил. – Просто засмотрелся на тебя... Ты очень красивая.

– Да? – она была удивлена.

– Разве мужчины до меня не говорили тебе такого?

– Раньше часто. Особенно тут, в Италии. Но я действительно была красоткой и выглядела сногшибательно, с длинными каштановыми волосами, макияжем, носила платья и каблуки. До Малены в исполнении Моника Белуччи недотягивала, конечно, но образ был похож.

– И почему ты ему изменила?

– Само как-то произошло, – невнятно ответила она.

Насколько Фил знал, женщина даже на десять сантиметров волосы не пострижет без какого-то толчка. Каре для длинноволосой – отчаянный шаг. Как и смена цвета. А тут и стрижка почти под ноль, и ультраблонд вместо родного каштана. Плюс иной стиль в одежде: удобный, полуспортивный, но с изюминкой. Сейчас, например, на Лиде накидка-трансформер из летящего материала, явно дизайнерская, простая майка и джинсы из массмаркета.

– А мне Моника Белуччи не нравится, – не покривил душой Фил. – А ты – да. – Розе подействовало? Или сама атмосфера? Но Фила понесло: – Я тебя давно заметил. Ты любишь закат на море, персики и лимонное джелато без всяких наполнителей. А еще ты пишешь письма маме ручкой «Паркер», но об этом я узнал только сегодня.

Она отложила недоеденный кусок пиццы и пристально посмотрела на Фила. Сейчас, когда солнце светило ей в лицо, глаза уже не казались черными. Карие, с янтарными прожилками. А кончики ресниц белесые. Подкрась их, будут длинными, пушистыми. С макияжем эта женщина совершенно точно была неотразимой, но Филу она нравилась именно такой – «не парадной».

– Извини, но я тебя не замечала.

– Уже понял, – усмехнулся Фил.

– Хотя ты очень яркий парень. Солнечный. И даже странно, что я не обратила на тебя внимание.

– Ты всегда была погружена в себя и людей как будто вообще не замечала.

– Это тоже вновь приобретенное. – Лида отставила тарелку с двумя корочками, чтобы больше к пицце не прикоснуться. Бережет фигуру, понятно: на теле ни жиринки. И Филу это нравилось, он не был поклонником пышных дам. – Всю жизнь была наблюдателем. И в первую очередь меня интересовали люди. Я внимательно рассматривала и детей и взрослых, иногда просто потому, что они радовали глаз, чаще, когда интриговали меня.

– Придумывала им характеры, привычки, имена, хобби?

– Больше того: судьбы.

Фил хотел попросить ее сделать это сейчас. Ему было интересно, что она думает о нем, какой видит его жизнь. Но Лида, будто бы догадавшись об этом, быстро разговор свернула:

– Но все это в прошлом, сейчас меня увлекают не сами люди, а их творения. Архитектура, живопись, музыка...

– А литература?

– Нет, я не читаю книг. Мне вдруг стало жаль времени на них. Зачем мне придуманный кем-то мир? Я хочу погрузиться в свой: провожать за горизонт солнце, вдыхать запах персиков, моря, кофе, сушеной лаванды, слушать колокольный перезвон, наслаждаться теми секундами, когда лимонное джелато тает на языке...

И опять эта поволока на глазах. Набежала на яркое золото глаз мрачной тучкой, и они стали пасмурными. Лида смотрела внутрь себя темно-кариими глазами без всяких янтарных прожилок. Что же такое случилось с ней? Явно какая-то драма. Умер кто-то очень близкий, и жизнь разделась на до и после? Ее предали, подставили? Чуть не убили? Или все прозаичнее, и от нее к лучшей подруге ушел муж, с которым она душа в душу двадцать лет...

– Загрузила я тебя, да? – услышал он голос Лиды. – Извини. Одичала я немного, разучилась поддерживать длительную беседу. Но в смол-токе я сильна! – Имелся в виду короткий разговор ни о чем с соседями, официантами, продавцами, водителями такси.

– Ты не грузишь, – не согласился с ней Фил. – Но часто погружаешься... В себя. Это тоже приобретенное?

– Нет, такой я была всегда. Случалось, смеялась ни с того ни с сего, чем удивляла, а порой злила окружающих. Они думали, я над ними.

– А ты над своими мыслями? Со мной случается нечто подобное. И выглядит еще более странно, нежели смех без видимой причины. Дело в том, что я часто развлекаю себя решением в уме математических задач. Над особенно сложными бьюсь по несколько дней и, когда расцелкиваю их, могу прокричать ответ. Я и на лекциях орал, и на совещаниях, и в очереди на паспортном контроле.

– Да, ты еще более странный, чем я, – шутливо проговорила Лида. – Кстати, я по образованию учитель математики и несколько лет проработала в гимназии. А ты чем занимаешься?

– Программист, – почти не соврал он. Фил в том числе работал и с компьютерными системами.

– И какие же дела могут привести человека твоей профессии в Пизу? – недоверчиво спросила она. Сообщает! Но и он не лыком шит:

– Клиент очень боится кражи информации. И он очень богат. Такому легче привезти программиста к себе, посадить его за личные компьютеры и проконтролировать работу.

– Это ведь не поможет? Программист, тем более умеющий держать в памяти решения сложных математических задач, найдет способ совершить кражу.

– Конечно. Но клиенту об этом знать не нужно. Тем более я не занимаюсь компьютерным воровством. – И про себя добавил: «С некоторых пор».

Вино кончилось, опустел стакан с компотом, от пиццы остались лишь корки. Фил больше ничего не хотел, как и Лида.

– Прогуляемся до моря? – предложил он.

Она согласилась. Расплатившись и оставив щедрые чаевые, Фил повел даму к кипарисовой аллее, следуя по которой они попадали на набережную. Люцио махал им вслед и всем своим видом показывал, что одобряет выбор рыжекудрого туриста. Усач имел хороший вкус во всем, не только в вине и сырах, но и в женщинах.

Цветок Лида завернула в пакет и убрала в котомку. А из нее достала солнечные очки. Фил тоже прикрыл глаза затемненными стеклами – солнце било прямо в них.

– А ты довольно высокий, – отметила Лида. – Я думала, с меня.

– Кажусь ниже из-за комплекции. – Он поиграл мощными руками.

– Спортсмен?

– Просто хожу в зал. Работа сидячая, вот и приходится тренировать, чтобы не расплыться.

Опять соврал! По малости, и все же. Фил посещал зал почти каждый день. Если не было такой возможности, бегал, прыгал, подтягивался, отжимался на улице. Тут, например, он каждое утро совершал марш-бросок до дикого пляжа, там таскал камни, и напрягая мышцы, и расчищая заход в воду, потом плавал, занимался растяжкой. Все это он делал не для того, чтобы хорошо выглядеть. И не разжирел бы он никогда, разве что брюшко бы наел да щечки. Фил обзавелся мощным мышечным корсетом, чтобы не обезножить. Была травма позвоночника, которая сделала его лежачим. Полгода Фил не вставал с кровати и, если бы слушал врачей, так и не встал бы. Все твердили «случай безнадежный». Даже хирурги-новаторы, хоть и готовы были взяться за Филиппа, ничего не обещали. Он не готов был смириться с инвалидностью, как и стать подопытным, поэтому вылечил себя сам. Три месяца он изучал различные методики, анализировал их, проштудировал как трактаты восточной медицины, так и традиционные учебники, и составил план действий. Фил делал упражнения и массаж, придерживался специальной диеты, ставил иглы, жаль, не везде дотягивался, но доверить свое тело он не мог никому. Через полгода он встал. Вскоре пошел, но на дрожащих ногах. И стоять долго не мог. Но сидеть – сколько угодно. Кто-то был бы рад и этому, но только не Фил. Совершенно неспортивный парень начал заниматься в зале. Ходил туда каждый день, но сначала не мог ни штангу поднять, ни подтянуться больше раза, ни пробежаться по дорожке. Но к вечеру тело болело так, будто он несколько часов носился, как спецназовец, в полном обмундировании по джунглям, да еще с раненым товарищем на спине. Это Филиппа тоже не остановило. Он увеличивал нагрузки, пока не довел себя до обморока. Отрубился он прямо на тренажере, когда делал жим лежа, благо не покалечился, а только лицо разбил о лавку. К нему тут же подбежал инструктор, стал приводить в чувство. Звали его Михой.

Парень не походил на остальных тренеров. Был маленький, худощавый, одевался очень просто, а не как другие: в кричащие шорты, кроссовки, майки с экстравагантными вырезами, не носил напульсников, повязок на голову и не тренил в любую свободную минуту. Но при всем при этом «стоил» больше чемпионов по бодибилдингу. Оказалось, Миха имеет медицинское образование и почти десять лет проработал с профессиональными спортсменами, помогая им восстанавливаться после травм. Делу своему он отдавался целиком, вкалывал по пятнадцать часов, среди ночи поднимался по звонку, был в вечных разъездах. Жене это надоело, и она поставила ультиматум: или меняешь работу, или разводимся. Миху это возмутило. Как супруга не понимает, что парни без него пропадут? «Незаменимых людей нет, – возразила ему она. – Найдут другого физиотерапевта... Или я мужа. Надоело быть соломенной вдовой, Миха!»

И он уволился. О чем жалел недолго: права жена оказалась, нашли Михе замену почти тут же, и уже через полгода многие о нем думать забыли. Те, что называли себя по гроб жизни ему обязанными, даже не поздравили с юбилеем.

Благодаря Михе, который взялся за него, Филипп полностью выздоровел. Так, по крайней мере, решили врачи и сняли с него даже третью группу инвалидности, хотя травма никуда не делась. «Помни об этом и никогда не расслабляйся, – напутствовал его Миха. – Если, конечно, не хочешь, чтоб позвоночник в трусы ссыпался!»

Филипп не расслаблялся. Но травма все равно о себе напоминала. Она царапалась через преграду из костей, мышц, жира, кожи, сначала осторожно, почти незаметно, потом становилась настойчивее, яростнее. Боль усиливалась. Только была ноющей, и вот уже острая, перерастающая в раздирающую. Она как дикий зверь рвалась из темницы, билась, вгрызалась, рвала когтями забаррикадированный выход. И когда ей удавалось выбраться, боль завладевала всем телом. К счастью, это случалось редко. Фил изучил свою травму, сжился с ней, как с женой-истеричкой или буйным соседом по психиатрической палате, и научился не допускать рецидивов. Помогала акупунктура. Без нее пришлось бы регулярно колоть обезболивающие, чего Фил избегал. Главное его сокровище – это мозг, и вредить ему наркотиками, пусть и одобрен-

ными врачами, он не хотел. Отказался бы от лекарств совсем, но пока не получалось. Когда боль вырывалась из темницы, справиться с ней могли только они...

– Не ты ли камни на диком пляже таскаешь? – спросила вдруг Лида.

– Я, – не стал отнекиваться Фил. – Значит, все же замечала меня раньше?

– Не я, подруга. Тоже русская, но с итальянским паспортом. Женей ее назвали при рождении, тут она стала Джинной, Джинни, Джи-Джи. У нее дом на набережной. Она любит, сидя на балконе, пить утренний кофе с сигареткой, лакомиться шоколадом и смотреть на море. Обычно в ранний час на пляже никого, поэтому она и обратила внимание на тебя. Решила, что ты строишь себе хижину, чтобы ночевать в ней, когда пойдут дожди.

– Она приняла меня за бродягу, которому негде жить?

– Не так. Женя придумала себе тебя. Как я когда-то делала. Она тоже творческая натура...

– Математик, как и ты? – улыбнулся Фил.

– Нет, Женя модельер. В прошлом успешный. Может, слышал о модном доме «Джина Костелло»? – Он мотнул головой. – Это ее детище.

– Творца покинуло вдохновение и бизнес прогорел?

– Нет, обстоятельства вынудили продать его. Но без Жени там все разладилось, и модный дом превратился в дешевый бренд под названием «Джи-Ко».

– Честно говоря, меня больше ты интересуешь, – не дал ей погрязнуть в рассказе о подруге Фил. – И я хотел вот что спросить: как в тебе сочетаются физика и лирика? Мечтательных математиков я еще не встречал. Обычно у человека способности либо к точным, либо к гуманитарным наукам.

– Глупости какие, – отмахнулась Лида. – Возьми да Винчи. Или нашего Ломоносова. Они гении, понятно, но и среди нас, скромно одаренных, есть универсалы. Мне легко давались все предметы, но я выбрала математику, чтобы поменьше витать в облаках. Она меня дисциплинировала.

Они вышли на набережную и направились в сторону дикого пляжа. Направление выбрала Лида, и Фил не возражал.

– Тогда почему ты перестала ею заниматься? – продолжил диалог.

– Дала себе волю, распустила крылья и взмыла в облака. – Она взмахнула руками, и легкая ткань ее накидки взметнулась вверх, чтобы затрепетать на ветру. Сейчас она особенно шла Лиде. – А если без лирики: я устала от школы, от проверки тетрадей, дополнительных занятий, поездок с учениками на олимпиады (гимназия с уклоном была). От них самих тоже устала, они так были не похожи на нас, советских детей.

– Куда ушла из школы?

– В никуда. Засела дома и посвятила себя творчеству. Я рисовала и писала фантастические романы. Мне с детства нравились эти занятия, но во взрослой жизни на них не хватало времени. – Фил хотел спросить, на что она жила, но не знал, уместно ли это. Хорошо, что Лида сама об этом заговорила: – Конечно, живи я одна, ни о каком увольнении и речи бы не было, но у меня имелся муж, который хорошо зарабатывал. – Через паузу она добавила, но как-то неуверенно: – Он поддержал меня в моем решении.

Муж, значит. Не с ним ли связана драма?

– Сейчас ты в разводе? – не смог на этот раз смолчать Фил. Мысленно он скрестил пальцы и стал ждать положительного ответа. Конкурировать с мертвыми людьми сложно, а сравнений с бывшими не избежать.

– Да, мы расстались десять лет назад. Не скажу, что друзьями, но нормальные отношения сохранили. До сих пор друг друга с праздниками поздравляем.

Лида приостановилась, достала из сумки початую бутылку воды и таблетку.

– От пиццы у меня изжога, – бросила она перед тем, как выпить. – Поэтому я стараюсь себя в ней ограничивать.

– Пойдем до дикого пляжа?

– Ой, нет, далеко.

– Километра полтора всего. Зато сможешь увидеть хижину, которую я строю.

– В другой раз, – улыбнулась Лида. – А если бы тебе было интересно, я бы рассказала, каким себе придумала тебя Женя.

– Бомжом, я уже понял.

– Скитальцем, – поправила Филя она. – Человеком, ищущим свой рай. По второй же версии...

– Их несколько? – подивился Филипп.

– Каждый день рождается новая. В этом главная забава. Так вот, по второй версии, ты мужская версия Ассоль.

– Жду алых парусов? – приподнял одну бровь он. Чего только не выдумают скучающие дамочки с богатым воображением!

– Не обязательно. Дама может и на катере приплыть. Но непременно должна появиться из морской дали и сойти на берег в том месте, где поджидаешь ее ты.

– Надеюсь, она меня только пару раз видела? А то боюсь услышать версию о том, что я Аквамен или сам бог морей Нептун...

– Нет, до сказок Женя пока не дошла. Но беглым преступником тебя представила.

– И нарушил я закон ради любимой?

– Разумеется.

– Никогда бы так не сделал, – мотнул головой Фил. – Почти все вопросы можно решить в рамках Уголовного кодекса. Если нет, чуть смухлевать, но продумать, как отмазаться. А на преступление, за которое сажают, я не пойду ради женщины, с которой у меня химия.

Она посмотрела на него внимательно. С каким выражением, Фил не смог разобрать: затемненные стекла мешали. Но ему почему-то казалось, что со снисхождением. «Бедолага, – наверняка подумала Лида. – Не знаешь, что такое любовь, а рассуждаешь со знанием дела...»

И была права. Фил к девушкам ничего, кроме симпатии, не испытывал. Он даже сексуально не зависел ни от одной, не говоря уже об эмоциональном. Вот и Лида ему просто нравится. Она приятна ему внешне, интересна, как личность, но никакого трепета Фил не ощущал.

«Мне хотелось бы не только заняться с ней сексом, – признался себе он. – Но закрутить курортный роман. Красивый и недолгий. И даже если она бросит меня и сбежит на моторной лодке, я не буду ждать ее на берегу, всматриваясь в даль...»

– Я не буду разочаровывать Джину, – сказала Лида, и тон ее был по-прежнему шутив. Скорее всего, Фил все надумал, и она не судила его за недавно высказанное мнение. Но зачем тогда так пристально рассматривала? Решала, на кого он больше похож: искателя, ждуна или беглеца?

– И о том, что я программист, не говори. Неромантичная профессия.

– Думаю, лучше вообще ей не знать о нашем знакомстве. – Она снова достала воду, сделала пару жадных глотков. – Душно очень, не находишь? Дышать нечем...

Фил качнул головой. После летнего Стамбула с его плавящимся асфальтом, капающими кондиционерами, запахом выхлопных газов, помоек, стоялой воды Босфора, тут, в Лигурии, было более чем комфортно. Там в жару он старался не выходить на улицу днем, поэтому жил в ЖК, построенном дубайской фирмой, в котором и бассейн, и спорткомплекс, и торговый молл, и рестораны, а тут он гуляет, сидит на террасах, загорает, а на ночь не включает кондиционер, проветривает помещение, открыв балкон.

Лида покачнулась. Едва заметно, но Фил успел это заметить и подхватить ее.

– Тебе плохо? – обеспокоенно спросил он.

- Голова закружилась, сейчас пройдет.
- Давай присядем.
- Нет, мне нужно поскорее спрятаться от жары.
- Зайдем в кафе? Там кондиционер.
- Проводи меня домой, пожалуйста.
- Да, конечно.

Поддерживая Лиду под руку, Фил двинул в указанном направлении.

Спутница его обернулась. Он тоже. За их спинами была насыпь из крупных камней, она шла вдоль всего пляжа. Где-то она была ниже, где-то выше, а именно тут в два валуна. Если подтянуться на руках, то можно сесть. Никто этого не делал, потому что рядом имелись участки комфортной высоты. Но в этот момент на насыпи, болтая ногами, восседал мужчина. В соломенной шляпе, черных очках, костюме из льна. Он осматривался. Просто вертел головой по сторонам, вытягивал шею, чтобы расширить поле зрения. Любопытствовал, так сказали бы любившие этот городок писатели начала прошлого века. На них он не обращал внимания, но Лида... Как будто... Обернулась для того, чтобы посмотреть еще раз на господина в шляпе.

- Вы знакомы? – спросил он у нее.
- С кем? – Лида продолжила уводить Фила с набережной. И весьма настойчиво.
- С мужчиной, что сидит на насыпи.
- Я не видела никакого мужчину. У меня в глазах темно.
- Но ты обернулась...
- Мне показалось, что я выронила из сумки блокнот.

Фил почему-то ей не верил. Более того, ему показалось, что приступ разыгран. Но зачем Лиде притворяться, врать? Филипп снова бросил взгляд через плечо. Пижон совершенно точно за ними (ней) не следил. Он вообще развернулся и теперь смотрел на море, а если точнее, марину. Скорее всего, он прибыл в город на яхте и искал ее глазами.

Дом, в котором жила Лида, находился в пяти минутах. Был он невзрачен, обшарпан, не имел балконов, только узкие длинные окна. Впрочем, в Марина-ди-Пиза таких большинство, но те, что стояли на первой линии, благодаря солнцу, что обливало их, окрашивая в разные тона, смотрелись очень мило.

- Спасибо тебе, Филипп, – проговорила Лида, отстраняясь от него.
- Давай я провожу до квартиры.
- Нет, спасибо.
- Обещаю не напрашиваться в гости.

Она упрямо мотнула головой.

– Приятно было с тобой познакомиться. Чао! – И, послав ему воздушный поцелуй, скрылась за дверью.

Филипп остался стоять у подъезда. Прощание ему не понравилось, но не догонять же Лиду?

«Плохо, что контактами не обменялись, – подумал он. – Но я знаю, где она живет, и это хорошо!»

Квартир в доме немного, найдет нужную, если что.

Филипп пробежал глазами по окнам. На всех стандартные жалюзи, в этот час опущенные. Поняв, что оставаться у дома Лиды бессмысленно, Фил пошел прочь.

Впервые за всю жизнь он решил добиться женщины.

Глава 2

Утром следующего дня Фил, добежав до дикого пляжа, прежде, чем взяться за камень, покосился на близстоящий дом. Он ожидал увидеть фантазерку Джину с кофе и сигареткой, но все до единого балконы были пусты.

Фил глянул на время: еще и семи нет, сегодня он рано проснулся. Значит, модельерша еще спит.

Он начал заниматься. Как никогда с увлечением. До этого брал камни побольше, чтобы усилить нагрузку, сейчас же более мелкие, но перетаскивал их не абы куда, а в определенное место. Фил возводил фундамент своей будущей хижины. Ему вдруг стало любопытно, сможет ли он ее построить за те несколько дней, что остались до отъезда. Если да, Филипп обязательно купит брезент и накроет «коробку». Авось пригодится пляжный домик какому-нибудь ски-талцу.

Устав до изнеможения, он окунулся в море. Вода прохладная, бодрящая, а чистая какая! Днем помутнеет, но сейчас каждый камешек на дне виден. Между двумя крупными валунами что-то поблескивало. Кругленькое, желтое. Неужели золото? Монетка или кулон? Фил с бакинского детства мечтал выловить в море что-то подобное. Другьям везло, и они находили то цепочку, то сережку, Мурат как-то печатку нашел, а его брат Саид золотой зуб, но Филу не повезло ни разу.

Достав до дна, он стал шарить по камням рукой: из-за ряби не смог сразу подхватить находку. Нашупал, сжал в кулаке, вынырнул. Увы, не повезло Филу и на сей раз. В его руках оказалась пуговица. Да, красивая, блестящая, но не драгоценная. Обычная пластмассовая пуговица, покрытая золоченой краской. Судя по всему, ее недавно уронили в море, и вода не успела ее попортить. Фил хотел швырнуть находку обратно в море, но решил не засорять его всякой ерундой. Выкинет в урну, когда будет возвращаться в отель.

Перед тем, как покинуть пляж, он еще раз глянул на балкон. Никого. Прогул тебе, Джина! Пора уже и встать, девятый час пошел.

Вспомнилась Лида. В который раз за утро. Но и ночью она не отпускала. Снилось эпизодично, будила, и Фил долго не мог снова погрузиться в дрему. Ворочался много, подушку с места на место перекладывал. Из-за Лиды он и вскочил раньше обычного. Спать урывками он не любил, а крепко-накрепко с Морфеем обняться не получалось.

Сильно зацепила непоколебимого Филиппа Лидия. Больше, чем ему вчера показалось. Чем только, непонятно. Встречались в жизни Филя женщины гораздо красивее, очаровательнее, моложе, наконец. Его никогда не тянуло к взрослым дамам, нравились ровесницы, но в последние годы он стал встречаться и с молоденькими. Не потому, что потянуло на свежее мясо, просто те, кому за тридцать, либо уже в браке, либо разведены и разочарованы в мужчинах, либо ни разу не были в отношениях, что лично Филя настораживало. Такая в него мертвой хваткой вцепится и потащит под венец, забыв о том, что еще недавно твердила: «Замуж я не стремлюсь!»

Лиде за сорок. Она не женственная, не кокетливая, не легкая. А ему так нравились все эти качества, только без отрицательной частицы. Если же без «НЕ», то Лида закрытая, странная, замороженная...

Сложная!

Может, этим и интересная? Она – еще одна трудная задача, которую нужно решить?

Приняв душ и позавтракав в отеле, Фил отправился на почту. Нужно отправить открытки наконец. Естественно, пока шел, опять думал о Лиде и о ее письмах маме. Представил, как та радуется, получая их. И он, повинуясь семиминутному порыву, написал и своей. Не электронное, обычное письмо. В магазинчике купил бумагу, ручку, наклейку на мебель в виде Пизан-

ской башни (чего же еще?), а в кабинке «Момент фото» сделал несколько своих снимков, чтобы тоже вложить их в конверт. Через двадцать минут письмо было принято итальянской почтой, но и открытки отправлены.

Сделав дело, Фил пошел бродить по городу. Вообще-то еще вчера он думал о поездке в Ливорно. Этот город-порт, крупнейший в Тоскане, находился недалеко. В нем, как Фил слышал, можно полакомиться свежайшими морепродуктами. Они будут прекрасны и в обычной забегаловке, расположенной прямо в порту, и в изысканном ресторане. Он хотел попробовать их и там и там. Да с ледяным шампанским!

Сегодня это желание пропало. Не то чтобы он расхотел мидий и креветок, скорее, раздумал наслаждаться их вкусом в одиночестве: ни обсудить вкус пищи, ни посплетничать о сидящих за соседними столиками посетителях, ни пошутить, ни развлечься болтовней. Трапезу лучше с кем-то разделить, предпочтительно с красивой женщиной. Он представил себя сидящим на террасе видового заведения в компании леди в летящей одежде, стройной, высокой, с точеным профилем. Она очень напоминала Лиду.

«Я приглашу ее! – решил Фил. – Сейчас пойду к ее дому и предложу поехать в Ливорно со мной...»

Он встал и осмотрелся, чтобы сориентироваться. Есть близкий путь, но он решил выбрать другой, а все потому, что проходил он через рынок. С пустыми руками заваливаться некрасиво, а вот с фруктовой корзиной – другое дело.

Фил заторопился. Теперь ему хотелось скорее увидеть Лиду. Он чуть ли не бежал к рынку, там недолго выбирал презент, взяв самый красивый, считай, дорогой, и сразу направился к дому своей новой знакомой. В какой она жила квартире, понял сразу. В этот час жалюзи на окнах были чуть подняты, и он видел подоконники. На одном из них стоял горшочек с цветком, тем самым, что Фил вчера через юного фаната «Манчестера» преподнес Лиде.

Филипп поднял с земли камешек, замахнулся...

И тут же себя остановил. Это в кино получается миленько, а в реальности можно и окно повредить. Камешки тут валяются увесистые, с острыми краями, а не как в море, гладкие. Врежется такой в стекло, разобьет запросто, либо поцарапает, что тоже нехорошо. Не лучше ли подняться и постучать в дверь? Фил собрался так сделать, но оказалось, что в подъезд не попасть. Вчера можно было, а сегодня нет. Дверь заперта на замок, а домофона нет.

Фил вернулся под окно. Обозвав себя Ромео недоделанным, негромко крикнул:

– Лида!

Никакой реакции за стеклом. Не слышит. Или дома нет?

Дома, самому себе возразил Фил. На подоконнике рядом с цветком лежали наушники, теперь их нет. Значит, пока Филипп ходил к подъездной двери, Лида взяла их.

Кричать еще раз Фил не стал. Решил бросить-таки в стекло грузик. Но не острый камень с земли, а пуговицу, поднятую с морского дна. Он забыл выкинуть ее в урну, протаскал в кармане шорт, а когда вывернул их перед тем, как отдать в стирку, решил оставить себе. Пусть не золото, даже не медь, а все равно трофей. То была блажь, и, понимая это сейчас, Фил пульнул пуговицу в окно. Она кляцнула по стеклу и отскочила, не принеся ему никого вреда.

Жалюзи дрогнули. Очевидно, Лида раздвинула ламели, чтобы выглянуть во двор. Фил помахал.

Прошло несколько секунд. Он ждал, что окно откроется, но нет. Поняв, кто явился, Лида решила проигнорировать визитера. По-детски спряталась от него.

– Чокнутая, – пробормотал Фил. – Не хочешь видетсья, так и скажи...

Он повертел в руке корзину. Куда ее теперь? Он фрукты не любил, но и оставлять их у двери глупо. Не будет же он уподобляться впавшей в детство великовозрастной дуре!

Обозвав Лиду так, Фил удивился самому себе. Как его, однако, разобрало. Когда его прилюдно одноклассница отвергла, не пожелав потанцевать, не так обидно было. Тогда он думал, хорошо, что я в нее не влюблен, а то страдал бы...

Мысли о том, что он влюбился в Лиду, как школьник, Фил допускать не хотел. Ох уж эта романтическая Италия, родина Ромео и Казановы! Даже его свела с ума.

Корзину с фруктами Филипп подарил Фернанде, женщине, с которой он познакомился, едва попав в Марина-ди-Пиза. Она тусовалась на лавочке возле супермаркета при въезде в город. Синьора подсказывала дорогу, давала справки, приглядывала за вещами или крупными собаками, с которыми нельзя в магазин, могла дать прикурить, выручить салфеткой. Она говорила только по-итальянски, но ее все понимали. И давали денежку, хоть Фернанда и не побиралась.

Ей было лет семьдесят. Она курила что-то крепкое, одевалась просто, но ее образ был всегда оживлен брошками, бусами. Фернанда много улыбалась, не стесняясь беззубой своей пасти, говорила сама с собой, если других собеседников не находилось. Она приходила к открытию супермаркета, а уходила после его закрытия, не забыв помочь работникам собрать тележки. Обедала Фернанда в ближайшей пиццерии. Всегда одно и то же: кальцоне и крестьянский салат. Пила крепчайший кофе. Между делом перекусывала тем, чем угощали.

Фруктовой корзине она очень обрадовалась. Назвала Фила «тесоро», что можно перевести как «лапочка», и послала ему воздушный поцелуй. Пусть ненадолго, но подняв тем самым настроение.

Филипп вернулся в отель, решив доспать. Лег не в номере, а на панорамном балконе. Широком, тенистом, с видом на пристань. Рядом с собой поставил бутылку минеральной воды. Если беспокойство опять не даст отрешиться, то он пойдет к морю, возьмет в прокат водный мотоцикл и будет гонять на нем, пока не обессилит...

Но дрема быстро окутала Фила. Погружаясь в сон, он снова увидел Лиду, и она будто зывала к нему, но концентрироваться на ней все равно что портить себе сиесту. Отогнав женский образ, Филипп уснул.

* * *

Он считал себя бакинцем. Уже потом москвичом и в последнюю очередь стамбульцем. Когда Фила спрашивали, откуда он, даже сейчас он машинально отвечал: «Из Азербайджана».

Он обожал Баку. Для Фила этот город оставался лучшим в мире. Даже современный и мало похожий внешне на тот, в котором он рос, он сохранил свою душу. И все было бы понятно, будь его детство безоблачно. Но Филипп родился в разваливающемся СССР, а рос в стране, только обретшей независимость. Тогда всем было трудно, но русским в бывших республиках Союза особенно. Их не просто притесняли, а выгоняли силой. Не всех, наверное, но семья Филиппа с этим столкнулась. Их дом закидывали ослиным дерьмом, расписывали оскорбительными надписями, били стекла в окнах. Как-то дом пытались сжечь, но соседи помогли потушить пожар. Большинство из них из благих побуждений, а кто-то просто побоялся, что огонь переметнется на их жилища. На отца напали. Матери, беременной дочкой, могли не продать овощей на рынке, молока, яиц. Фила дразнили, а когда он пошел в первый класс, побрили наголо, чтобы его рыжие кудри не пламенели на общем темном фоне. Многие русские тогда уехали. Даже те, кому не так доставалось. А Петровы остались. И все из-за отца. Он категорически отказывался бежать. Не только из страны или города – из дома. Его построил прадед Фила, и все поколения семьи жили в нем. «Нужно потерпеть, – говорил отец. – Русофобия скоро пройдет, и мы снова будем спокойно ходить по нашей родной земле...»

Частично он оказался прав. Ненависть к русским утихла, но не так уж и скоро. Над Филом до четвертого класса издевались именно из-за того, что он русский. Пресек это Мурат. Пусть

маленький и тощий, но авторитетный пацан. Его оставили на второй год и посадили за парту к Филу. На первом же диктанте по азербайджанскому у него возникли трудности. Он просил списать у соседей спереди и сзади, но никто ему не мог помочь. Тогда Фил подтолкнул к нему свою тетрадь.

– Ты специально, да? – прищурился Мурат. – Чтобы я ошибок наделал и отправился, как debil, в интернат?

– Я пишу без ошибок.

– По-азербайджански? – не поверил тот. До прошлого года большинство предметов преподавалось на русском, а в этом его совсем отменили.

Фил кивнул. Он знал оба языка, как и его отец. Они бакинцы как-никак!

Тогда Мурат получил свою первую пятерку, пусть и с минусом: учитель понял, что пацан списал, но не пойман – не вор.

– Слышь, Пасли, а из-за чего тебя пацаны гнобят? – спросил как-то Мурат во время перемены. Он не сделал уроки и быстро переписывал решение задачи из тетради соседа по парте в свою.

– За то, что я русак.

– Да ну? – не поверил он. – Только из-за этого не могут. Хотя... – Мурат оторвался от письма. – С Изи Каховича в раздевалке трусы стянули, чтоб посмотреть, как у жидов обрезание делают, а потом голышом вытолкали в коридор.

– Не употребляй слово на букву «ж», пожалуйста.

– А им, жидам, нас называть гоями можно? Это, между прочим, значит «низшие существа». А вы, русаки, тоже хороши! Как всех кавказцев у себя там называете?

– Не знаю, я бакинец.

– Хачами! – Мурат гневно сверкнул своими черными глазами. – Не нравится тебе прозвище Пасли?

– Да нет, нормальное.

Подумаешь, ржавый. У некоторых похуже будут, например, у одноклассника Саида Ахмедова – Зибил. Или «куча мусора». У него бабка со свалки домой всякий хлам таскает. А взять старика Саида, что уже сорок лет на рынке точит ножи. Его все за глаза по-русски Ссака называют. А все потому, что по молодости лет тот, работая на заправке, бензин ослиной мочой разбавлял.

– Больше тебя обижать не будут, – закончил тот разговор Мурат. – Если только за дело.

И травля уже на следующий день прекратилась. Фил стал таким же, как окружающие его ребята, маленьким бакинцем, говорящим по-азербайджански, гоняющим по улицам на скейте, окунающимся в жару в мутные воды Каспия, катающимся зайцем в пригородных автобусах, чтобы добраться до Шихово, где настоящие пляжи... Тырящим на рынке по мелочи, забирающимся в подвалы и на чердаки в надежде пожить, толкающим приезжим раздавленные на рельсах монеты под видом старинных. Ничего этого Фил не делал ранее. Он гулял или во дворе, или с родителями. И был белый, как мел. Когда же он обрел друзей и стал проводить все свое время на улице, то загорел до оранжевого цвета, несколько раз облез, покрылся крупными темными веснушками, и стал тем, кем его прозвали – Ржавым.

Он стал хуже учиться, забросил занятия в аэроклубе, который посещал вместе с соседом-старшеклассником, но родители его за это не ругали. Они понимали, что мальчишке нужно общение со сверстниками. И если мама иногда волновалась, когда ее мальчик поздно возвращался или его колени были разодраны сильнее, чем обычно, то отец нисколько. Он рос так же, как Фил, разве что хулиганил больше, даже на учете в детской комнате милиции стоял, но об этом, естественно, сыну не рассказывал.

Петровы не уехали бы из Баку, если бы не болезнь отца. Он в тридцать семь перенес свой первый инсульт. Но тогда было время травли, и случившееся легко объяснить стрессом.

Второй раз приступ случился ни с того ни с сего, а последствия его оказались серьезнее: он не восстановился полностью, остался хромым. Доктор, который наблюдал старшего Петрова, посоветовал переехать.

– Ни за что! – отрезал папа. – Не для того я отстаивал свои права гражданина Азербайджана, коренного бакинца в девяностые, чтобы сейчас бежать.

– Речь идет о твоей жизни, Павел.

– Я умру тут, и буду похоронен рядом с предками, – не сдавался тот. Говорят, кровь – не вода, но Павел Петров, славянин, выросший на Кавказе, был упрям и горяч, как настоящий джигит.

– О семье подумай. Как они без кормильца?

– Да что ты нагнетаешь? Нормально я себя чувствую.

– Наш климат тебя убивает. Тебе на историческую родину нужно возвращаться, в среднюю полосу России.

– Ни за что!

Но мама уговорила упрямого Павла на переезд. Решили они в Москву ехать, город больших возможностей не только для специалиста по нефтепереработке (отец пошел по стопам своего деда), но и для выпускника одиннадцатого класса. Фил, хоть и не учился на «отлично», был невероятно умен и одарен математически. Отец и мать были уверены, что он поступит в самое престижное высшее заведение.

В Азербайджане они продали все: и дом, и машину, и мебель. Выручили приличную сумму. Жаль, не довели целиком. Ограбили Петровых в поезде по наводке проводницы. Знала та, что при них куча бабок. Благо большую половину положили на счет дяди Мурата. Он давно в Москву переехал, обжился и готов был землякам на первых порах помогать. Но и Петровы в долгу не оставались, снимали квартиры только для славян для не славян.

Работу отец нашел, но низкооплачиваемую. Фил в МГУ не поступил. Оказалось, одного ума мало, надо еще протекцию иметь, без нее даже с деньгами не сунешься. Хорошо, что он документы в обычный политех подал. Туда по конкурсу прошел, но радости не испытал... Его вообще ничего в Москве не радовало! Мрачный, жестокий, суетливый город, давящий своей атмосферой. Люди хмурые, нервные, невоспитанные, непонятные, точно инопланетяне. Для них он пусть и не хач, но все равно чужак. Говорит с акцентом, держится настороженно, у храмов не крестится, свинину не ест. Сокурсники думали, он мусульманин, а Фил просто не был приучен к храмам и нехалальной пище.

Остальным Москва нравилась. Даже отцу, яркому противнику переезда. Наверное, дело в здоровье. Оно заметно улучшилось, и у Павла появились силы на то, чтобы внедриться в заправочный бизнес земляков. Доли он в нем не имел (и не стремился), но первую зарплату получил хорошую, директорскую.

Год прошел. И он был плодотворным для Фила. Ассимилировавшись немного, он начал добиваться невероятных успехов в учебе. Его, как лучшего первокурсника, уже после первой сессии стали отправлять на городские олимпиады и конкурсы умников. Один, транслируемый по ТВ, он выиграл, и его автоматически зачислили в МГУ. Так Фил попал-таки в престижнейшее высшее учебное заведение Москвы. Но и политех не бросил, а перевелся на вечерний.

То был хороший год... Но не весь.

Беда пришла откуда не ждали. Заправочный бизнес у азеров решили отжать солнечские. Сами когда-то отдали, не думая на перспективу, а когда спохватились, уже времена криминальных разборок в Лету канули. Но это их не смутило. Постреляли, пожгли, покрушили, что-то отобрали, но в конечном итоге войну проиграли. Сколько в ней народу с обеих сторон пострадало, никто не считал. Лес рубят – щепки летят. Одной из этих щепок оказался Павел Петров. Когда на офис напали, его выбросили в окно. То, что он не умер, упав с седьмого

этажа на асфальт, было чудом. Да, стал инвалидом, но умом не повредился, как многие после сильнейшего сотрясения, а ВСЕГО ЛИШЬ обезножел.

Не знали оптимистично настроенные врачи, что для Павла легче было умереть, чем стать обузой. Он больше не кормилец, не помощник, не вожак своей маленькой стаи, а большая проблема. Конечно, Петровым помогали земляки. Деньгами, лекарствами, врачей в дом приводили для осмотра, но вся тяжесть ухода за инвалидом упала на мамины хрупкие плечи. Ее муж мало того, что был недвижим, еще и в депрессию впал. И постоянно просил избавить его и себя от мук, достать какой-нибудь укол, прекращающий жизнь.

Фил тогда хотел бросить учебу хотя бы в одном вузе, но мать не позволила. И дочери не дала оставить танцевальную студию. Дети не должны страдать и портить свое будущее! Они, родители, и так не дали им того, что обещали. И родину отняли. У Фила точно. Он, как никто, скучал по Баку и, если бы не несчастье, скорее всего, вернулся бы туда.

Отец пролежал четыре года. И они изменили его настолько, что членам семьи иногда казалось, что его подменили. Из окна выкинули одного человека, а на «скорой» увезли другого. Или подмена произошла позже, когда Павел находился в коме?

Перед тем, как отдать Богу душу, он просветлел. Лицом и мыслями. Стал почти таким же, как когда-то. Попросил прощения у всех, наказал захоронить его останки в Баку, поцеловал каждого и, закрыв глаза, упокоился.

Спустя почти десять лет, когда Фил оказался в покое, лежачем, положении, первое, что подумал: «Я не должен превратиться в того человека, на которого подменили отца! Даже если не встану, буду жить на полную катушку: работать, дерзать, заколачивать бабки, развлекаться и дарить радость близким. Я не поддамся унынию, не проникнусь жалостью к себе, не попрошу волшебный укольчик». Но замечая, с какой тоской и болью смотрит на него мама, Филипп дал себе установку подняться. Он не заставит ее еще раз пережить то, что за четыре года состарило ее на десять.

Когда Фил пошел, мама плакала от счастья и лепетала: «Спасибо, сынок!» Она знала, что он в первую очередь сделал это ради нее. Но, узнав, что тот собирается идти дальше в своем выздоровлении, взбунтовалась:

- Я не могу больше переживать за тебя, у меня сил нет.
- Потерпи, скоро все наладится. Я знаю, что делаю.
- Ой ли? Ты весь в синяках и ходишь хуже, чем раньше.
- Тело адаптируется к новым нагрузкам, дай ему время.
- Ты можешь погубить себя: в лучшем случае надорваться и снова слечь, а в худшем – довести себя до смерти...

Она плакала и качала головой, не соглашаясь с решением сына. Перед ее внутренним взором стояли обе картины, а еще третья – лежащий в кровати Павел, ссохшийся, посеревший, с тусклыми глазами и потрескавшимися губами. И ее огненноволосый конопатый сын с улыбкой до ушей станет таким через десять лет, если снова обезножит. Тогда придут и уныние, и боль, и злость на себя (мог остановиться, но не стал!), и неизбежно мысль о смерти.

– Ходи в бассейн, на массаж, поддерживай свою подвижность, – умоляюще проговорила она. – Но не рви жилы!

- Мне нужен мощный мышечный каркас. Без него никак.
- Ты никогда не был атлетом, а сейчас у тебя тем более не получится накачаться.
- Это почему же? – Фил тогда очень на маму обиделся. Она не верит в сына? После того, как он сделал невозможное? Или считает это не его заслугой, а чудом?

– Ты человек с ограниченными возможностями, Филя! – перешла на крик она. – И это навсегда! Мы не в русских былинах, и ты не Илья Муромец.

– Границы мы устанавливаем сами, – холодно возразил ей он. – Я поднялся на ноги ради тебя. Теперь я буду действовать ради себя. Прими это.

Она уже на следующий день извинилась за свое поведение. Фил, естественно, заверил ее в том, что все в порядке, он не в обиде. И это было так. Никакого осадка после ссор с мамой у него не оставалось, он любил ее безоглядно и готов был оправдать любой ее поступок, слово, эмоцию. В отличие от сестры. Наташка с родительницей не очень хорошо ладила. Ругалась постоянно, все требовала особого к себе отношения. Ей казалось, что мать всю себя отдает мужчинам, а дочь обделяет вниманием, теплотой, заботой. «Мне тоже себе позвоночник сломать, чтоб ты начала мне помогать?» – в обиде кричала она.

Отношения между ними наладились, когда Наташка замуж вышла. Разъехавшись с мамой, дочь начала скучать по ней. И советы ее, нравоучения не раздражали, а заставляли задуматься, посмотреть на проблему с иной стороны. А еще оказалось, что мама не вмешивается в конфликты дочери с братом, подругами, педагогами, ухажерами (Наташка умудрялась в них вступать регулярно и ждала, что родительница примет ее сторону) не потому, что ей наплевать, она дает дочери возможность разобраться самой. Но, надо отметить, Наталья с возрастом вообще стала к людям терпимее. А особенно к родным. Спасибо за это ее мужу, брату Мурата Саиду. Он был в Наташку с детства влюблен. Она же его не замечала, считала страшненьким, к тому же маменькиным сынком. И замуж за азербайджанца выходить не желала категорически. Грезил о европейцах. Мечтала жить не по традициям давно умерших предков, а современно, ярко, свободно. Видела себя продвинутой, эмансипированной, деловой женщиной, равной партнершей своему мужу, а не хранительницей домашнего очага. Уж нет давно их, очагов этих пресловутых, везде центральное отопление и газовые плиты! Не остынут, не погаснут, если вовремя по счетам заплатить. А мужикам кавказским все хранительниц подавай, хозяйшек, наседок. Таких, как их мамы...

Нашла-таки себе немца. Замуж не вышла за него, а съехалась, в лучших современных традициях. Ладно, в Москве жили, а не в Германии, оттуда так легко не убежишь. А Наташка именно убегала от гражданского своего супруга с одним чемоданом. Остальное у нее отобрали. Все подарки и даже то, что покупали в складчину. Хотела равного партнерства? Изволь скинуться на коммуналку, мебель, технику. Ручками посуду мыть не хочешь? Бери посудомойку. И бери на свои, потому что ты не справишься с обязанностью – на мне еженедельная уборка, и я оплачиваю клининг. Справедливо? Объективно да. И каждый цивилизованный человек со мной согласится.

Устав от обвинений в дремучести, ругани из-за ерунды, подсчетов каждой копейки и ревности в духе мавра, к коим муж как истинный ариец относился с плохо скрытым пренебрежением, Наташка и сбежала. А через полгода вышла замуж за Саида. Сейчас у них двое деток.

Мама тоже нашла себе пару. Десять лет вдовствовала, но как-то познакомилась в гостинице, где работала администратором, с командированным из Минска. Понравились друг другу, стали перезваниваться. А через два месяца мама к белорусу в гости поехала, да так и осталась у него жить. В прошлом году они узаконили свои отношения.

И только Филипп оставался одиноким, что его несколько не огорчало. Поскольку его девочки благодаря своим мужьям (а мама еще и работе, без которой она начинала хандрить) были финансово обеспечены, все деньги он тратил на себя. Естественно, подарки им делались грандиозные, особенно щедро он одаривал племянников, но это была капля в море его доходов.

Фил, не бахвалясь, мог назвать себя хорошо обеспеченным человеком. Богатым – нет. Но он и не стремился к сверхдоходам. Все необходимое у него есть, а к барству он не привык. Жилье имеется, которое и удобно, и красиво – его идеальная квартира, деньги на комфортное существование тоже, путешествует он по работе, но, если вздумает отправиться в кругосветку, снимет проценты по вкладу и поедет. Фил много во что инвестировал свои денежки, но и по старинке их хранил в швейцарском банке, на счете, открытом на подставное лицо. В финансовых махинациях Филипп Петров разбирался как никто. Как-никак с этого начинал свой трудовой путь...

И из-за этого чуть не остался инвалидом!

Фил после институтов помыкался немного, устраиваясь то туда, то сюда. Нигде не приживался. То ему не нравились условия, то его, выскочку, изживали, то неправильная организация труда доводила до белого каления, и всегда мало платили. Нет опыта, что хочешь? Наберишь его сначала, потом требуй прибавки.

И все же Филу повезло, к себе в инвестиционную компанию его позвал университетский приятель. Сам он благодаря папиным связям уже занимал должность начальника, а башковитого сокурсника взял аналитиком. Оказалось, не его одного пристроил, еще парня по кличке Гудди, сокращенно от Гудини. Тот не доучился в МГУ, но в команде КВН играл и после отчисления. Весельчак выступал как фокусник на различных праздниках, но семья была этим недовольна, и все требовала от парня найти нормальную работу. Пришлось устроиться в компанию, чтобы наследства богатого деда не лишили.

С Гудди Фил и начал свой бизнес. Поработав на дядю, оба поняли, это не дело. Они чужие денежки приумножают, процент с этого получает компания, а им достаются одни объедки с барских столов.

– Ты, Пасли, самый башковитый в нашей шарашке, но выше начальника отдела не поднимаешься! – сокрушался Гудди. – Я же на должности менеджера в креативном отделе буду прозябать до конца дней своих. Никто нам не даст расправить крылья.

– К чему ты клонишь?

– Давай свое что-нибудь замутим!

– Давай. Что?

– Ты у нас башка, придумывай.

– Я бы продолжил заниматься инвестициями. Сейчас такое время, когда, рискнув, можно сорвать большой куш. Но крупные компании, типа нашей, осторожничают.

– Чтобы не потерять деньги клиентов и не прогореть на выплатах страховки пострадавшим.

– А если наплевать на это?

– Было бы здорово, но... Это противозаконно! Так ведь?

– Ага, – беспечно подтвердил Фил. – Но если нашими клиентами будут те люди, которые захотят приумножить незаконно добытые денежки? Никто из них, потеряв их, в суд не сунется.

– С бандитами связываться – себе дороже!

– Нет, ты не понял. Мы откроем компанию, где будем помогать людям вкладывать средства на законных основаниях, но предлагать ВИП-клиентам допуслуги. Предупреждать о рисках, но сулить бешеные дивиденды, которые облагаться налогом не будут, а выводить мы их станем через кипрские офшоры.

– А мы станем? Я просто ничего в этом не понимаю.

– Как и те богатые буратины, что согласятся на эти допуслуги. Мало кто в наше время разбирается в криптовалюте.

– В чем?

– О биткоинах слышал?

– Не-е-ет, – растерянно протянул Гудди.

– Они сейчас стоят копейки, но вырастут в десятки, а то и сотни раз. Нужно время. Если клиенту не терпится, мы отдадим ему даже не копейки – гроши. Потому что курс упал (якобы), и нужно было ждать. Что останется клиенту? Довольствоваться малым. В суд он, как участник незаконных финансовых операций, не пойдет.

– Да, он придет к нам в офис с ружьем и всех перестреляет.

– Не в кого будет стрелять. Мы съедем. Точнее, вы: ты, глава компании, и работники офиса. А я все это время вообще в другом месте сидеть буду.

– И сколько мы сможем заработать?

– Миллионы долларов. Но для того, чтобы все замутировать, нужно где-то найти хотя бы лям деревянных.

– Это нужно ждать, когда дед мой преставится, а он намерен всех нас пережить.

– Давай Дохлю в долю возьмем, – предложил Фил.

Дохлей их университетского кореша прозвали за невероятную худобу.

– Чтоб он все к рукам прибрал? Нет уж! И место директора ты мне обещал. Кредит можно взять.

– Кто нам такую сумму даст?

Помолчали.

– Пасли, а это правда, что ты можешь любой замок вскрыть? – встрепенулся Гудди.

– Нет, – мгновенно ответил Фил.

– А кто тачки угонял?

– Я вскрыл одну. И о том, что она краденая, мне не сказали. Больше я таким не занимаюсь.

– Но навык не утратил?

– Ты меня на преступление подбиваешь?

– Я тебя? А не ты ли планируешь людей на миллионы кидать?

– Постараемся никого не кидать. Если получится честная игра, я буду только рад. И мы не у бабушек последние гроши отбирать будем, не на больных детях наживаться, а срезать жирок с боков раздутых от нечестных доходов тюленей. Мухлевать, а не грабить.

– И за это присесть можно.

– Я напишу такую программу, которая сотрет все улики за считанные минуты. Даже если нас прищучат, ничего не докажут. А когда я буду замок взламывать, меня обычный участковый может за руку поймать.

– Тебе всего лишь нужно сейф открыть.

– Мы идем грабить банк? Как в кино? – Фил представил себе эту картину и рассмеялся.

Комедия же!

– У деда моего, как ты знаешь, куча денег...

– Деда грабить? Еще лучше! – и осуждающе покачал головой.

– Мы позаимствуем эти деньги, и только. Они все равно нам, внукам, достанутся. Пока я у деда в милости, сбережения делятся поровну, на четыре части. Так что в сейфе, считай, лежит полтора моих миллиона. Это по нынешнему курсу.

– Откуда у твоего деда столько бабла? Он же обычный пенсионер.

– Помнишь «МММ» и прочие пирамиды? – Естественно, Фил помнил. Сколько денег их семья тогда потеряла. – Так вот дед, когда на этих биржах играл, все барыши в доллары переводил. Даже мелочовку. Десятки, двадцатки покупал, потом эти купюры на крупные менял. И скопил двести тысяч. Все они лежат у него дома. Если мы возьмем мою долю, то будет справедливо, потому что чужого я не трону, а деньги лично мне нужны сейчас.

– Скареды всегда пересчитывают свои сокровища.

– Невозможно. Они в пачках, перетянутых банковскими лентами.

– Пропажу одной все равно заметит.

– Заменяем ее фуфелом из магазина приколов.

– Давай договоримся так: я сейф открою, деда отвлеку, остальное – сам.

Гудди на это согласился.

Они легко провернули операцию «дедкины бабки» (так ее креативно назвал автор идеи) и начали готовиться к покорению финансовых вершин. Гудди для этого пришлось с работы уволиться, а Филу остаться. Базы компании сами себя не копируют, крупные клиенты данными своими не поделаются, левые счета не откроются. Уже тогда Филипп намухлевал себе на статью, хоть ничего и не заработал. Но без этого ничего бы не вышло. Мошенников в России-матушке

полно, непоиманных много, а нераскрытых – единицы. Фил с товарищем хотели бы отнести себя к последним.

Фирму свою ребята назвали просто: «ГудМани». Зарегистрировали ее, сняли красивый современный офис, наняли сотрудников, разместили рекламу. Гудди – директор. Лицо компании. Фил – мозг. По должности: системный администратор. В офисе не сидит, заглядывает по мере надобности, переустановить винду или принтер починить. Его стараниями у «ГудМани» в интернете такой высокий рейтинг, как у какого-нибудь «Майкрософта». Есть международные награды, участие в симпозиумах, партнерства с финансовыми организациями мирового масштаба. Фил такой мыльный пузырь выдул, что сам же от собственной наглости и обалдел. Решил обороты сбавить и убрал самые сказочные лжефакты, как и качественно состряпанные фотографии, на которых Гудди с шейхами да звездами Голливуда.

Дела у «ГудМани» быстро пошли в гору. VIP-клиенты чемоданами деньги несли. Креативный Гудди придумал самых крупных отмечать. Вложил миллион, получи именные запонки. Из золота, естественно, на таком не экономят. Директор сам такие носил. А еще несколько магнатов Старого Света, что подтверждали опять же фотографии. Фальшивки теперь не в интернете размещались, а вешались на стену кабинета для VIP-приемов, стилизованного под замковую залу с круглым столом по центру.

– Ты заигрываешься, Гудди, – сердился Фил. – Сбавь обороты, пока сам не поверил в то, что ты король Артур, а твои випы рыцари Круглого стола.

– Ты не понял. Это каждый из них Артур, а я всего лишь рыцарь, ему служащий. Моим, как ты выразился, випам осознание собственной значимости просто необходимо. Иначе они не играют.

– А портрет свой в полный рост зачем на Тверской разместил?

– Это реклама компании.

– Не нужно привлекать лишнего внимания.

– Пасли, ты в корне не прав. Чем наглее мы себя ведем, тем лучше. Что ты, как дед, бубнишь?

– Кстати, ты своему баксы вернул?

– Я тачку купил новую. «Ламбу». А что? Мне нужно. Я лицо преуспевающей компании.

«Ламба» в итоге оказалась единственной ценностью, доставшейся Гудди. Продав ее, он смог откупиться от следователя и сбежать за границу, где предусмотрительный Фил открыл для него счет. Сам же он остался в России...

Но у него не было иного выхода.

Когда происходила облава, он был в офисе. Чинил роутер. То есть интернета в тот момент не было. А без него запустить систему уничтожения баз данных компании – никак. Разве что физически добраться до собственного ноутбука, который лежит в машине. Фил дождался, когда всех поднимут с пола и начнут загонять в отдельное помещение. В суете он смог улизнуть и спуститься вниз. Возле здания было несколько служебных машин, полиция, ОМОН, «скорая» на всякий случай, Фил миновал их все. Добрался до своей, открыл ноутбук...

– Что мы тут такое делаем? – услышал он голос над своим ухом, а потом почувствовал на плече тяжесть. Это к нему подошел и пригвоздил рукой к креслу майор ФСБ Борисовский, для своих Борисыч. – Ну-ка отдай!

Фил сделал вид, что протягивает компьютер. Рука, что сжимала плечо, раскрылась ладонью вверх. Филипп бросил свое тело в сторону. Ноутбук подтянул к себе, ввел кодовое слово и нажал Enter. В этот момент в то самое место, где он оказался, на скорости врезался мопед. Не «КамАЗ», даже не легковушка, подростковый мотобайк.

– Сильно ушибся? – спросил Борисовский, помогая Филу подняться. Мопедист же встал с асфальта сам.

– Нет вроде.

– Тогда выходи из машины, будем разговаривать.

Но Фил не смог. Борисовский думал, притворяется. Ан нет, не самый сильный удар, но крайне неудачный, раскрошил несколько позвонков. В больницу пострадавшего увезла дежурившая у офиса «скорая».

Борисовский пришел к Филу через неделю. Тот уже отошел от первой своей операции.

– Как дела? – спросил он.

– Так себе.

– Дружбан твой за кордоном, а ты тут. Не обидно?

– Я все равно бы не уехал, у меня тут мама и сестра.

– За двоих отвечать будешь, значит?

– Не понимаю, за что я, простой сисадмин, должен ответить.

– Думаешь, всех перехитрил?

– Не всех, – и ткнул пальцем вверх.

– Бог не Тимошка? – Майор вздохнул. Ему было искренне жаль парня. – Не переживай, встанешь на ноги. Главное, веру не терять. И не в высшие силы, в себя. Ты упрямый, всего добьешься. – Он подвинул стул и сел на него. – Наши компьютерщики поражены. Говорят, ты гений. Ни один файл из уничтоженных не смогли восстановить. Но это все равно ничего не меняет.

– Как это?

– Дело на вас не будет закрыто до тех пор, пока вы не вернете все деньги.

– Нечего возвращать. Те, что не потрачены, возвращены клиентам. Не всем, но большинству. К нам не только воры обращались, но и обычные граждане. Моя программа многофункциональна. Она не только уничтожила базы, но и запустила возврат денежных средств на счета клиентов. Всех, кроме вивпов.

– Так ты Робин Гуд, получается?

– Проверьте. Эти отчеты сохранены.

– Я могу сделать так, чтобы дело закрыли. Тогда ты вздохнешь свободно, и твой друг сможет в Россию вернуться.

– Дайте угадаю, я должен начать работать на органы?

– Какой умный мальчик!

– Я отказываюсь.

Борисовский как будто не удивился и ушел. Но вернулся уже с другим предложением:

– Договор на одновременную услугу мы можем обсудить? Ты помогаешь мне, я – тебе. Не отказывайся. Во-первых, ты сделаешь доброе дело. Во-вторых, со мной лучше дружить. Это не угроза, предложение. Давай станем корешами.

– О чем идет речь?

– О ком. О человеке из нашей структуры, сотрудничающем с террористами. Нескольким особо опасным преступникам он помог скрыться. Теперь сам сбежал из страны. Ни агенты, ни умники наши не могут выйти на его след. Блуждают. Вдруг у тебя получится?

– Я когда-то программу написал. Она как раз для поиска людей. Если ее доработать, то можно попробовать. Но мне нужны все данные на вашего человека и хорошая техника.

– Все будет.

Он доработал программу (и делает это до сих пор), назвал ее «Ржавый червь» и с ее помощью нашел преступника.

– Эх, жаль, ты не хочешь этим заниматься, – сокрушенно проговорил Борисыч, когда они обмывали успех операции. – Мы бы, червь ты ржавый, таких замечательных дел натворили!

– Я давно для себя решил не работать на государство и на дядю. Только на себя.

– А если дядя – это я? И ты тоже в деле?

– Не понял.

– Я в отставку ухожу в следующем месяце. Мне сорок четыре, я и так задержался. Теперь благодаря тебе я буду получать подполковничью пенсию, которой все равно не хватит на жизнь. Придется работать. В службу безопасности, как остальные, я не хочу. Значит, буду продолжать искать преступников, но уже как вольный охотник...

– За головами? Кажется, их так называют? И платят за некоторые «головы» очень неплохо. Кстати, необязательно гоняться только за преступниками. Можно искать уклоняющихся от выплаты алиментов мужей, кинувших партнеров хитрецов, сбежавших из-под родительской опеки детей.

– Этим уже частные детективы занимаются, но мы тоже это сможем. И назовемся специалистами по деликатным вопросам.

– Искателями.

– Ты будешь отвечать за кабинетную работу, я – за оперативную. Как тебе такое?

– Я бы попробовал, – без раздумий ответил Фил. Под хмельком идея ему казалась отличной, но и утром, когда протрезвел, своего мнения не изменил. – Все равно я пока могу только кабинетной работой заниматься.

И, как только Борисыч ушел в отставку, они начали свое дело.

Первый год все шло по плану. Фил сидел за компьютером, Борисыч разъезжал по стране и некоторым бывшим республикам. Загвоздка вышла, когда потребовалась командировка в Финляндию.

– Придется тебе ехать, – сказал отставной подполковник бывшему мошеннику.

– Я понятия не имею, как мне действовать.

– Ты ходить заново научился, а уж с поиском человека на месте разберешься как-нибудь. Тем более я всегда на связи и совет дам в любой момент.

Тогда все получилось без осечек. Но бывали и провалы. Один грандиозный – Фил упустил объект. Тот почувствовал слежку и слинял. Три страны пересек искатель, чтобы нагнать его, и делал это уже за свой счет, но дело до конца довел. А какой урок извлек! После того случая Фил начал изучать учебники по оперативной работе МВД и ФСБ, смотреть документальные фильмы на эту тему, интересоваться психологией. Борисыч с добродушным смехом замечал: «В школе милиции тебе бы равных не было!»

Постепенно они ушли от розыска преступников. Уже не охотники за головами, а специалисты по деликатным вопросам. Работенка безопаснее, легче, интереснее и так же хорошо оплачивается. Последнее время Фил большую часть времени проводил в зарубежных командировках (поэтому выбор города для проживания был очевиден – из Стамбула можно легко отправиться куда угодно), искал забугорных родственников, старых друзей, любимых. Не «ржавый червь», а сам Филипп Петров, но с небольшой помощью искусственного интеллекта. Сейчас он находился в Италии тоже по работе. Но она уже сделана. Объект был Филом обнаружен и взят под наблюдение. Оставалось дожидаться момента, когда клиент примет работу и переведет искателям оставшуюся сумму гонорара. А пока можно наслаждаться отдыхом у моря, розовым вином, пищей, поездками по окрестностям – все это спишется на командировочные расходы.

Глава 3

Он знатно выспался. Не помешали этому ни не предназначенный для длительного отдыха пезлонг, ни уличный шум, ни полуденная жара. Разбудили Фила альбатросы, разоравшиеся чуть ли не над ухом. Оказалось, они уселись прямо на парапет балкона и намеривались стащить со столика бутылку минералки. На черта она им сдалась, неясно. Скорее всего, наглые птицы хотели просто похулиганить.

Отогнав их, Филипп встал. Размял затекшее тело, потянулся, сделал махи ногами. Прислушался к организму. Спина не болит, но чуть ноет. Нельзя ему спать на неудобных лежаках, только в кровати с анатомическим матрасом.

В животе заурчало. Фил вспомнил, что завтракал легко, а после не перекусывал даже мороженым. Сейчас же обеденное время, вот желудок и требует топлива.

Вообще Филипп поесть любил. Предпочитал кавказскую кухню, но и итальянская была ему по нраву. Пиццы, пасты дома он не ел, делая выбор в пользу мяса, овощей и зелени, тут же хотел именно теста, а на стейки смотрел безразлично.

Умывшись и одевшись, Фил вышел из отеля. Тот находился в районе порта, и господин Петров отправился туда. Подумалось, что забегаловка с морепродуктами может быть и в местной марине.

Зря надеялся. Нашел Фил только ларечек со снеками и напитками. Купив бутылочку воды, он развернулся, чтобы потопать обратно, как увидел вчерашнего незнакомца в белых одеждах. Сегодня он тоже был в светлом, но уже в шортах, майке и кепке. На ногах не туфли, а кроксы. Этот прикид шел ему меньше, простил. И открывал слишком много далеко не идеального тела. Сегодня Фил не принял бы мужчину за яхтмена, но он оказался именно им: сворачивал паруса на судне под названием «Венера». Без них дальше пойдет – на моторе. А что он собирается в море, стало ясно, когда Фил увидел под навесом верхней палубы бутылку шампанского в ведре со льдом, вазу с фруктами и просвечивающий через белую штору силуэт. Намечается романтическая прогулка со всеми вытекающими!

Фил ощутил легкий приступ зависти. Сегодня он рассчитывал на свидание, а отправляется на него другой. Он будет пить ледяное шампанское, наслаждаться видом, болтать. Быть может, отправится в Ливорно, где будет угощать свою спутницу свежайшими морепродуктами...

«Венера» тем временем медленно отошла от причала, развернулась и рванула в открытое море. Скорость она набрала так быстро, что подпрыгнула на волне, а вместе с ней и сидящая на палубе женщина. Накинутая на ее голову и плечи драпировка размоталась, вздыбилась... Как поднятая течением придонная водоросль. Ткань трепетала, извивалась, но это не помешало Филу увидеть аккуратную короткостриженую женскую головку.

Лида! Это точно она. В своей вчерашней накидке. И она уплывает на яхте в море... С другим!

* * *

Он уехал-таки в Ливорно. Взял машину напрокат и покати.

В порту Фил не смог поесть, все забегаловки были закрыты до вечера. В ближайших кафешках свежие морепродукты все подъели и предлагали вчерашние, слегка подмороженные. Пришлось есть в обычном рыбном ресторане, но затея была сравнить, сильно ли по вкусу отличаются дары моря, приготовленные по-простецки, от изысканно поданных. Последние оказались вкусными, и только. Без изюминки. Такие можно поесть и в Стамбуле, и в Баку, и в Москве, где даже моря нет.

Шампанское тоже не пошло, ограничился фужером. Не потому, что за руль надо, в Италии все гоняли под мухой, а игристое из бугая Филадельфия выветрилось бы за час. Просто это напиток особого настроения, а то больше соответствовало водочке. Да не самой чистой, а с запашком и резким вкусом. Чтобы пить ее, немного страдая.

Зазвонил телефон. Фил глянул на экран. Определилось: «Борисыч».

– Бон джорно, – поздоровался он по-итальянски.

– Вообще-то уже бона сера, время семь вечера.

Он уже выезжал из Ливорно, хотел поскорее припарковать машину и хорошенько выпить. Он, как дисциплинированный гражданин Российской Федерации, избегал езды в нетрезвом виде.

– Ты когда собираешься домой, сеньор?

– Так к мужчинам в Испании обращаются, а в Италии – синьор.

– Душила тебе больше подходит, – проворчал Борисыч.

Фил на самом деле часто поправлял людей, с которыми общался. На автомате, а не чтобы продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство. Тем более что в некоторых областях он был не сведущ, как говорится, от слова совсем. В кино, например, не разбирался. В астрономии. Путался в писателях и их произведениях. Все это ему было бесполезно, считай, неинтересно. Зато Фил мог собрать, к примеру, кухонный гарнитур, лишь бегло ознакомившись с инструкцией. И не просто ящики повесить, но подключить духовой шкаф, врезать раковину, отладить подачу воды. Он сам научился программированию, потому что уже имел два высших, и больше поступать в вузы не собирался. С годами Филипп пришел к тому, что учеба в них дала ему больше жизненного опыта, нежели знаний, поскольку упор он делал на самообразование, а от него отвлекали занятия по «лишним» предметам. Например, философии. Или истории. При нем последнюю дважды переписывали, а сколько до этого?

– Так когда домой, душила? – повторил вопрос Борисыч.

– Через двое суток, на трети. Ты же сам мне билеты бронировал.

– То есть ты уже не против того, чтобы остаться? Помнится, не хотел. – Это было правдой. Фил улетел бы сразу после того, как сделал дело, но Борисыч попросил задержаться, чтобы перестраховаться или, как он сам говорил, перебздеть. – Если все еще рвешься домой, я тебе поменяю билет. Клиент всем доволен, деньги за работу перевел в полном объеме. Ты свободен, Доби!

– Кто?

– Черт, постоянно забываю, что отсылки к фильмам тобой не воспринимаются. Это из Гарри Поттера. Только не говори, что ты и о нем не слышал.

– О нем слышал, – буркнул Фил. – А насчет обратного вылета я подумаю. Когда можно?

– Завтра в восемь вечера из Пизы есть рейс до Стамбула с пересадкой в Милане. Билеты, как ты знаешь, можно поменять за двадцать четыре часа.

Сначала он хотел согласиться на ближайший вылет. Зачем оставаться в Италии, если дома ждут дела, а здесь... Никто не ждет! Та, с которой Фил хотел бы провести эти деньки, умотала на свидание с другим. С тем, кого она вчера якобы еще не знала. Быстро сблизилась мечтательная леди и романтичный на вид яхтсмен, однако. Но и такое бывает. Вот только Фил был уверен, Лида оглядывалась на него, а не в поисках ключей...

– Так что? – поторапливал его Борисыч.

– Остаюсь, – решительно проговорил Фил.

Отель оплачен, погода прекрасная, хижина не достроена, так зачем спешить? Он уже настроился на отдых у моря, а дела подождут. Тем более не такие они и важные. Документы на ВНЖ собрать надо, и он запланировал сделать это в определенные дни. Но раз случилась командировка, можно и отложить. А Лида... Ее он выбросит из головы сразу же, как напьется. Была у Филадельфия такая особенность – под градусом о проблемах забывать. Другие отвлекались на

время, а после определенной дозы возвращались к ним и увязали еще крепче. Он же становился эдаким Иванушкой-дурачком, песенки пел, веселился, возможно, даже смотрел Гарри Поттера, но забывал об этом, как и о проблемах.

С Борисычем, который одобрил решение товарища, Фил распрощался, до города доехал, машину поставил и направился в бар отеля. Там точно есть хороший ром. Махнет сейчас парутройку порций, а потом пойдет на еженедельную пятничную дискотеку для пенсионеров. Там он перетанцует со всеми старушками (уж они его точно не отошьют, хотя бы потому, что очень милые) и купит им всем шампанского.

– Филипп, – услышал он оклик и остановился. Так глубоко задумался, что не заметил стоящую на крыльце отеля женщину.

Это была Лида.

– О, вернулась уже?

– Откуда?

– С морской прогулки.

– С чего ты взял, что я...

– Видел тебя на яхте. – Сейчас на ней была обычная рубашка с закатанными рукавами и велосипедные штаны. – Надеюсь, не унесло ветром твою накидку? Ее буквально срывало!

– Фил, я не каталась сегодня на яхте, – резко прервала его тираду Лида. – Ты обозначился.

– Хорошо, – покладисто согласился он. – Как скажешь. Я иду в бар пить ром. Хочешь со мной?

– Давай присядем на минуточку? – она указала на скамейку меж двух кипарисов. – Я не отниму у тебя много времени.

– Ты пришла ко мне? – удивился он. Думал, их встреча случайна.

– Да, мне нужно пару вопросов тебе задать.

– Зачем я приходил к тебе? Хотел в Ливорно позвать за компанию.

– Перестань меня перебивать, – разозлилась она. – Ты сердисься на меня за то, что я не открыла? Извини за это. Но я никого не хотела видеть, как и объяснять почему.

– Но сейчас ты уже в другом настроении, и мое общество тебе не в тягость, – закивал головой он. Фил сам понимал, что ведет себя как капризный мальчишка, но ничего с собой не мог поделать. – Как ты, кстати, узнала, что я тут живу?

– Это лучший отель в городе, а ты рационален и небеден. Ты платишь за комфорт, потому что понимаешь, траты не напрасны. Лишнего ты не заплатил бы – золоченые унитазы не для тебя, как и старинные фрески. И в хижине у моря ты жить не стал бы. В апартаментах нет рум-сервиса, тоже не подходит. Эта четверка идеальна для тебя.

– Развернуто ответила.

– Чтобы ты больше меня не перебивал. – Лида легонько взяла Фила за указательный палец и потянула к скамейке. Он дал себя отвести к ней. Рома он уже не так хотел, как пять минут назад. – Пропала Женя. С вечера не отвечает на эсэмэс и звонки. И дома ее нет, я дважды ходила.

– Такого раньше не бывало?

Она напряглась. Но быстро сориентировалась и сказала неправду:

– Нет.

Почему эта женщина постоянно обманывает? Не умеет, а врет.

– Я не знаю, – пошла на попятную Лида, уловив его недоверчивый взгляд. – Раньше я не донимала ее. Вчера впервые.

– С чем связана такая перемена в тебе? Или с кем? – Он имел в виду яхтсмена, но оказалось...

– Мысли о тебе не отпускали, и я хотела поделиться ими с подругой, – выпалила Лида.

– Неожиданно.

– Наше знакомство, оно ни к чему! Я не искала его и продолжать не хотела, поэтому улизнула от тебя. – И спряталась от него за полосами жалюзи, судя по всему.

– Что плохого в нашем знакомстве?

– Я не хочу впускать в свою жизнь новых людей. Особенно мужчин. И не спрашивай почему, причина есть. – Она полезла в нагрудный карман рубахи и достала из него трофеем Фила – золотую пуговицу. – Ты этим кинул в мое окно?

– Да.

– Откуда у тебя эта пуговица?

– Нашел.

– Не может такого быть. Она с пижамы Джинны, а она никогда не позволит себе выйти в домашней одежде на улицу.

– Выходит, я был у нее и случайно оторвал?

– Получается, так.

– В порыве страсти, да? – насмешливо проговорил Фил. – А потом потопал к тебе, чтобы одержать сразу две победы за день?

– Перестань скалиться, – рассердилась она. – Если ты был у Джинны, скажи мне, и я перестану волноваться. А была между вами страсть или нет, мне дела нет.

– Утром, когда я купался после пробежки и строительства хижины, эта пуговица подмигнула мне со дна моря. Я нырнул и поднял ее на поверхность.

– Это еще большая дичь. К морю Женька точно не пошла бы в пижаме.

– Может, пуговица не ее? Мало ли, у кого такие же нашиты на одежду.

– Ты обратил внимание на вензельки? – Лида провела пальцем по рисунку. – Это инициалы.

– Джина Костелло, ясно.

– Да, пуговицы именные. Ограниченная серия. Их выпустили для коллекции весна-лето 2016 года. Женька срезала пуговицы с жакета, который давно относилась, и пришила к новой пижаме. Их было всего шесть, и она боялась потерять хотя бы одну, потому что пришлось бы менять все.

– Значит, потеряла все-таки, а остальные спорола да выкинула в море. Почему женщины придают пустым мелочам столько значения?

– Потому что как раз мелочи и важны! – запальчиво возразила Лида. – Даже если кажутся пустыми на первый взгляд.

– Скоро твоя подруга найдет ее и сама тебе расскажет, как ее пуговица оказалась на морском дне.

– Я волнуюсь за нее, Филипп.

И так она это сказала, что он стал серьезным. Не хотелось больше ерничать, как и отмахиваться от Лиды. Нужно помочь ей. Рыцарь он или нет?

– Ром отменяется, – вздохнул он и встал со скамейки. – Пошли, – скомандовал Фил.

– Куда?

– К Женьке домой.

– Но она не открывает.

– Разберемся.

Плана у Фила пока никакого не было. Надо сначала на месте сориентироваться, а потом думать. Или, как любил говорить Борисыч, «кумекать».

Они быстро шли по набережной, не отвлекаясь на разговоры и любование пейзажами. По пути им попадались люди, в том числе нарядные старички, те направлялись на дискотеку. До нее еще час, но почему бы не выйти пораньше и не прогуляться по променаду? Все же этот городок – отличное место для встречи старости. Здесь можно достойно доживать свой век.

Неспешно, с чувством, вкусом, легкостью. Медленно и красиво уходить за горизонт, как это сейчас делает солнце...

– Ты разогнался, я за тобой не успеваю, – простонала запыхавшаяся Лида.

Фил про себя усмехнулся. Это в его стиле, думать о медленном угасании, но при этом нестись вперед со скоростью молодого бычка, впервые выпущенного на арену. Мысли и действия у него частенько не совпадали, что удивляло окружающих. Миха, к примеру, долгое время думал, что, остервенело колотя грушу, Фил представляет себе рожу врага, а несясь на тренажере в гору, воображает непреодолимые препятствия. А он в уме разыгрывал шахматные партии или вспоминал номера машин, встретившихся ему по дороге в спортзал.

Они подошли к дому Жени. Балкон ее был по-прежнему пуст, как и другие.

– Здесь, кроме Джинны, никто не живет? – спросил Фил.

– Один сосед точно есть, зовут Джузеппе, он приезжает на выходные.

– Сегодня пятница, может, он уже тут?

– Нет еще. Если бы приехал, там сидела бы Лаура. – Она указала на балкон, слева от Жениного, всего их на этаже было три.

– Жена?

– Попугай какаду. Джузеппе завел его, когда развелся. Назвал Лаурой в честь возлюбленной Петрарки. Джузеппе хотел красивую, но молчаливую птицу, поэтому приобрел девочку, они редко разговаривают. Но ему попалась болтушка. Сначала это раздражало, потом Джузеппе привык и теперь обсуждает с птицей все новости, включая политические.

– В подъезд без ключа можно попасть?

– Да. Есть кодовый замок. Комбинацию я знаю.

Они обошли дом, и Фил увидел во дворе машину. Маленький старый «фиат». Значит, в доме на девять квартир все же кто-то есть.

Когда они зашли внутрь, Фил подивился. Подъезд оказался красивым, с дубовыми лестницами, потолочной мозаикой, узким витражным окном, тянувшимся по боковой стене от первого этажа до третьего, последнего.

– Тут останавливался Пастернак, когда приезжал в город, – сообщила Лида. – На перилах были нацарапаны гвоздем строчки из его стихотворения. Закрасили.

Порывшись в памяти, Фил нашел там прозвучавшую фамилию. Кажется, писатель, автор «Доктора Живаго». Он, получается, еще и стихи писал. Надо запомнить для общего развития.

– Не стыдно было представителю творческой интеллигенции портить имущество?

– Это не он сделал, – улыбнулась Лида, начав подъем по лестнице. – Мы с Женькой, когда напились. Это было пять лет назад. Кстати, Пастернак жил в квартире над ней. Поэтому мы нацарапали: «По дому ходит привиденье, весь день шаги над головой...»

Фил вздохнул. Вышло тяжело, он не хотел этого.

– Я так много болтаю, потому что переживаю, – чуть смутилась Лида.

– Болтай. Я просто не могу разговор поддержать. В стихах не разбираюсь.

Он понял, какая из квартир сейчас обитаема. В ней кто-то очень громко смотрел телевизор. Глуховатый человек, скорее всего, пожилой, он и не заметит, что кто-то ходит по подъезду. Камер в нем нет. Это хорошо, можно незаметно вскрыть дверь. Фил сделает это, останется на шухере, а Лида обследует квартиру. Дальнейшие их действия зависят от того, что покажет осмотр.

Они дошли до двери, позвонили. Как и следовало ожидать, им не открыли.

– Набери Женю еще раз, – велел Фил.

– Думаешь, она забыла телефон дома, а сама ушла? Даже если так, мы ничего не услышим, тут дверь толстенная. Женя квартиру у наследника умершего ювелира купила. Он очень боялся, что его ограбят, поэтому еще и ставни укрепил и всегда держал их закрытыми.

– Дом чудаков.

– Поэтому подруга именно в нем и поселилась.

– Я попробую вскрыть замок, но не обещаю результата. Он, наверное, мудреный в такой двери, а я только с простыми дела имел.

– Не ты ли себя называл законопослушным гражданином? – ахнула Лида. – А сам взломщик!

– Я слесарем в институте подрабатывал, – и это было правдой. Фил вскрывал замки за деньги, для него это было раз плюнуть. Но его чуть не втянули в криминальный бизнес, связанный с угоном машин (Гудди как раз об этом говорил, когда склонял друга к взлому дедушкиного сейфа), и пришлось искать другое средство заработка.

– Если нас поймают, то заберут в полицию... А мне туда нельзя!

Пришла очередь Фила удивляться:

– Что ты натворила?

– Я нелегал. Виза моя кончилась полтора месяца назад, и я боюсь депортации.

– Это не дело. Хочешь, помогу с документами? Есть знакомые.

Он отошел от двери и стал думать, что можно было бы использовать в качестве отмычки. Обычно он справлялся при помощи обычной проволоки, но сейчас и ее взять было неоткуда. Тут Лида схватила его за руку и зашептала:

– Фил, там кто-то поднимается!

– Полиция отследила твой панический сигнал, – подколот ее он, чем разозлил. Она больно ткнула Фила кулаком в плечо и отошла от него, чтобы посмотреть вниз. Из уст Лиды вырвался вздох облегчения.

– Это Маршал!

– Жуков?

– У тебя ужасное чувство юмора, – сердито буркнула Лида. – Маршал – друг Жени. И ее натурщик.

Парень тем временем поднялся на этаж. Увидев Лиду, широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. На фоне иссиня-черного лица они казались неестественными. Напоминали виниры некоторых российских звезд, что перестарались в приукрашивании себя.

– Чао, Лиде, – поздоровался с дамой Маршал, Филу же приветливо кивнул. – Джи-Джи дома? – спросил он по-английски.

– Мы не знаем, – ответила ему Лида, с ударением на «е». – Пришли в гости, а она не открывает.

– И трубку не берет? – Она кивнула. – Я звонил ей весь день, не ответила. Но я все равно поехал.

– Маршал живет в Пизе, – просветила Фила Лидия. – А родом он из Сенегала.

В последние годы мигранты буквально наводнили Европу. В Пизе их было очень много. Куда ни глянь, везде компании африканцев. Фил слышал, что они творят разные безобразия, но, по его мнению, парни выглядели безобидно. Пизанские точно. Это не парижские наглецы, не барселонские забияки. Тоскана умиротворяла в том числе мигрантов, окультуривала их. У Маршала, к примеру, вид был интеллигентный. Одет красиво, в бежевое и розовое, коротко стрижен, на носу очки в тонкой оправе. Из украшений тонкое серебряное колечко на мизинце, а не тонны поддельного золота и фальшивые «ролексы».

– У тебя, случайно, нет ключа от квартиры? – спросила у Маршала Лида.

– Нет, но я знаю, где она прячет запасной.

Парень наклонился и достал его из-под коврика.

– В нашем с ней советском детстве все так прятали ключи, – улыбнулась Лида.

– Бывший хозяин квартиры, ювелир, не скончайся он тогда, умер бы от инфаркта сейчас.

Она отмахнулась от Фила и вошла в квартиру – Маршал, отперев дверь, пропустил даму вперед.

– Женя, ты дома? – крикнула она, машинально скинув в прихожей кеды. Еще одна неискоренимая привычка выросших в СССР. Следующее поколение уже не такое, Фил, например, мог пройтись по дому в обуви. А молодежь вообще в ней на кроватях валялась.

Джина Костелло на зов подружки не откликнулась. Ее дома не оказалось. А телефон, как они и думали, лежал. Обычный, кнопочный. Не старый, а устаревший. Такими обычно довольствуются отвергающие прогресс пожилые люди. К их числу, как понял Фил, относится мама Лиды. Но Евгения еще молода и, судя по ноутбуку, лежащему на журнальном столике, продвинута: у нее мощный игровой комп предпоследнего поколения.

– Она не пользуется смартфонами? – поинтересовался Фил.

– Интернетом. Поэтому ее вполне устраивает ее трубка.

– А это тогда зачем? – Он указал на заинтересовавший его ноутбук.

– Для конструирования одежды, дизайна, рисования.

– Значит, африканского Аполлона запечатлевают не на холсте? А я так хотел посмотреть...

– У меня есть несколько фотографий, я тебе потом покажу. Пойдемте отсюда, пока нас не застукали.

Никто с ней не стал спорить. Маршалу тоже неприятности были не нужны. Фил же решил, что вернется в квартиру ночью и проведет осмотр без свидетелей. Он уже понял, что с Евгенией случилась беда и ее нужно спасать...

Если еще не поздно!

Глава 4

Они сидели в баре и пили ром. Они – это Фил и Маршал. Лида же пошла домой, чтобы переодеться, и должна была вот-вот присоединиться к мужчинам.

– Вы давно знакомы с Джиной? – спросил Фил, долив себе рома. Взял сразу бутылку, чтобы не дергать бармена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.